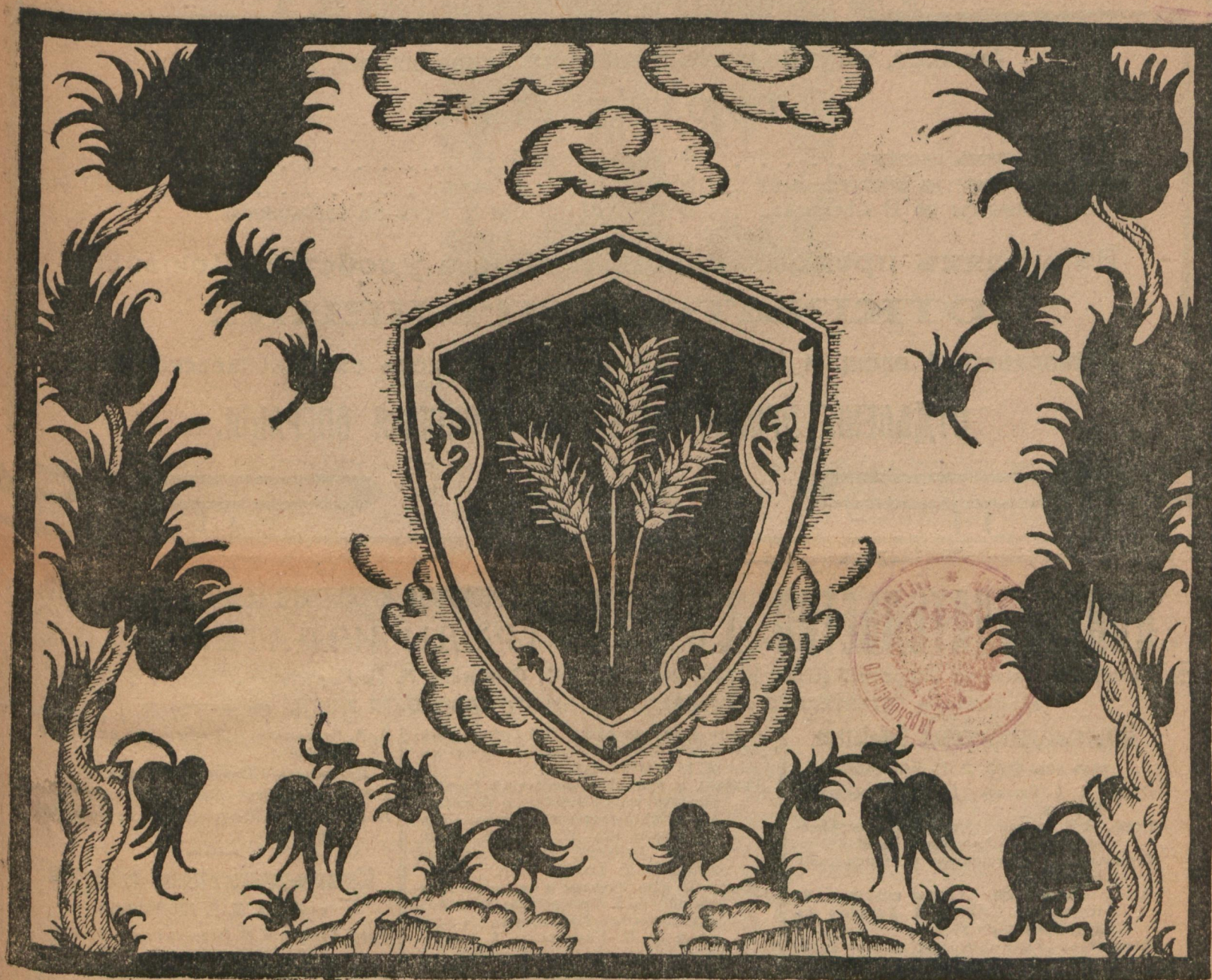

КОЛОСЬЯ

ЕЖЕНЕДІЛЬНИКЪ ПОДЪ РЕ
ДАКЦІЕЙ ФЕЛИКСА КОНА И ВА
ЛЕНТИНА РОЖИЦЫНА Б 1918

ОДЕРЖАНІЄ:

Алатуъ. О книгахъ. Письмо въ редакцію. Иллюстраціи — фотографіи изъ охраннаго отдѣленія. Шаржи,

Простите!...—К. О. Н. Отрывокъ изъ трагедіи „Серпы“—Георгій Шенгели. Образы любви и смерти Райнеръ Маріа Рильке. Воспоминанія—Феликсъ Конъ. Оттуда, гдѣ...—В. Миръ. Знамя смерти—Валентинъ Рожницынъ. Россія въ охранномъ отдѣленіи. Біографическія справки о Луначарскомъ и Зиновьевѣ. Геральдическій звѣрь—Ингридъ. Стихи—Г. Шенгели, А. Гатовъ, Шлейманъ,

№ 6-7

ХАРЬКОВСКИЙ КРЕДИТНЫЙ СОЮЗЪ КООПЕРАТИВОВЪ (Союзбанкъ).

г. Харьковъ, Николаевская площ., № 9 (противъ Биржи) тел. 44-07.

ПРОИЗВОДИТЬ ВСѢ БАНКОВЫЯ ОПЕРАЦІИ

(вклады, текущіе счета, переводы, аккредитивы, инкассо).

СОЮЗЪ ПЛАТИТЬ:

а) По текущимъ счетамъ	4 1/2%	{ }	на 1 годъ	5 1/4%
б) По вкладамъ: до востребованія	5%		" 2 года	5 1/2%
в) По срочнымъ: на 6 мѣсяцевъ	5%		свыше 2 лѣтъ по соглашенію.	

Въ цѣляхъ предооставленія публикѣ удобствъ Союзомъ

ОТКРЫТО ОТДѢЛЕНИЕ:

уг. Николаевской площ. и Московской ул. № 5-1 (входъ съ Николаевской площ.)

ОТДѢЛЕНИЕ ПРОИЗВОДИТЬ ВСѢ БАНКОВЫЯ ОПЕРАЦІИ.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО „СОЮЗЪ“ ХАРЬКОВСКАГО КРЕДИТНАГО СОЮЗА КООПЕРАТИВОВЪ. ТРУДЫ ИЗДАТЕЛЬСТВА.

Вышли изъ печати: „Короткий нарис Украинської мови“, О. Сенявскій. А. П. Марковъ—„Мѣстные финансы“.

ПЕЧАТАЮТСЯ и ГОТОВЯТСЯ КЪ ПЕЧАТИ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ.

Культурно-историческая бібліотека

подъ ред. проф. Д. И. БАГАЛЪЯ.

Проф. Д. И. Багалій—„Історія Слободської України“.

Проф. М. Х. Сумцов—„Історично-етнографічний побутъ Слободської України“.

Таранушенко—„Мистецтво у Слободській Україні“.

А. С. Федоровскій—„Смѣны культуръ на території Слободской Украины въ доисторическую эпоху“.

Айзеншток—„Українське відродження у Харкові в 20—40 роках XIX ст.“.

Проф. М. Х. Сумцов—„Розвій Української літературної мови“.

Проф. Д. И. Багалій—„Заселення південної України (Новоросійського краю)“.

Проф. Д. И. Багалій—„Український філософ Г. С. Сковорода“.

О. Д. Татаринова—„Вас. Наз. Каразинъ“.

Н. Д. Ладыженская—„Просвѣтительная дѣятельность Харьковскаго Университета“.

Е. М. Ивановъ—„Е. С. Гордѣнко“.

М. А. Плевако—„Слобожанські письменники—Гулак-Артемовскій, Квітка і инші“.

Естественно-историческая бібліотека

подъ ред. проф. В. И. ТАЛІЕВА.

„Растительный міръ Украины и смежныхъ мѣстностей“—проф. В. И. Таліева.

„Птицы-друзья человека“—Г. А. Брызгалкина.
„Ископаемые богатства Украины“—прив.-доц. А. О. Федоровскаго.

„Природа и население Слободской Украины (Харков. губ.)“, пособие по родиновѣдѣнію. Въ составленіи принимаютъ участіе: прив.-доц. А. О. Федоровскій, Д. К. Педаевъ, В. Г. Аверинъ, проф. В. И. Таліевъ и др.

„Животный міръ Украины и смежныхъ мѣстностей“—ч. I. Позвоночныя. ч. II. Безпозвоночныя. Принимають участіе проф. А. И. Никольскій, В. Г. Аверинъ, проф. П. П. Сумскихъ и др.

Намѣченъ рядъ темъ по разнообразнымъ вопросамъ естествознанія для популяризаціи въ широкихъ массахъ населенія.

Соціально-экономическая бібліотека

подъ ред. доц. І. А. ТРАХТЕНБЕРГА.

М. Н. Соболевъ—„Кредитъ и его роль въ народномъ х-вѣ“.

Ф. М. Крамаревскій—„Мелкій кредитъ и его значеніе“.

П. И. Лященко—„Мелкій кредитъ и сельское хозяйство“.

А. С. Векслерчикъ—„Кооперация и хлѣбная торговля“.

А. Н. Янычевъ—„Історія кредитной кооперации въ Россіи“.

И. М. Хоткевичъ—„Кооперация въ Галичинѣ“.

А. А. Богомоловъ—„Земство, его значеніе и задачи“.

Г. Циперовичъ—„Синдикаты и тресты“.

І. А. Трахтенбергъ—„Бумажные деньги“.

Л. Любимовъ—„Утопическій и научный социализмъ“.

Школьно-педагогическая бібліотека

подъ ред. Д. Г. ПАНАДІАДИ.

Проф. Сумцов, О. М. Плевако і проф. Багалій—„Літературна українська хрестоматія“.

Орфографическій и русско-украинск. словари. Учебники для высшей и низшей украинскіхъ школъ.

Украинскіе классики.

Русскіе классики.

Драматическая литература оригинальная и переводная.

Литература о народныхъ домахъ, просвѣтительныхъ о-вахъ и проч.

Сельско-хозяйственная бібліотека

подъ ред. проф. А. П. ЧЕЛИНЦЕВА.

Книги по экономіи, организаціи, техникахъ сельскаго хозяйства, общественной агрономіи и сельско-хозяйственной кооперации.

На книжномъ складѣ „СОЮЗЪ“ имѣется: Литература по всѣмъ вопросамъ кооперации и разнообразнымъ отраслямъ знаній. Уставы кооперативовъ. Счетоводные бланки и книги. Календари.

Адресъ издательства: Харьковъ, Николаевская площ., № 9. Адресъ книжн. склада: Харьковъ, Московская ул., № 18.

Простите!..

Безъ траурнаго прощальнаго салюта, не провожаемый обычными похоронными обрядами, осуждаемый и прокливаемый сошелъ съ исторической сцены великій массовый герой и великій массовый преступникъ — русскій матросъ...

Закаленный въ бою, закаленный въ борьбѣ и съ безжалостной стихіей и съ крутыми условіями матросскаго быта, втиснутый въ узкія и мучительныя рамки специфически русскаго режима, но знакомый по своимъ скитаніямъ и съ широкимъ просторомъ и съ вольной жизнью западно-европейскихъ странъ, великій по своимъ стремленіямъ и жалкій по своему невѣжеству, благородный въ своихъ порывахъ и низкій въ своей рабской озлобленности, — русскій матросъ сочеталъ въ своемъ лицѣ и звѣря и человѣка, и беззавѣтно преданнаго идеѣ борца, и озвѣрѣлаго хищника, и „вора, удалаго добраго молодца“ старой русской вольницы, и жалкаго мелкаго вориху современнаго русскаго безвременья.

Когда мы пишемъ эти строки, русскій матросъ фактически уже не существуетъ — и лишь жалкіе остатки моряковъ либо заживо разлагаются по безчисленнымъ градамъ и селамъ необъятной Россіи, либо въ тюрьмахъ и острогахъ, запуганные, поруганные, оплеванные, доживаютъ послѣдніе дни въ ожиданіи гражданской, а иной разъ и физической смерти...

И въ этотъ трагическій и роковой моментъ, какъ осиповый колъ, всбиваютъ въ его могилу воспоминанія о злѣ, какое онъ совершилъ, о всѣхъ его вольныхъ и невольныхъ прегрѣшеніяхъ, раздуваемыхъ мстительнымъ озлобленіемъ обывательщины, которой спокойствіе онъ нарушилъ и своимъ героизмомъ и своими преступлениями...

Обыватель злопамятенъ и мстителенъ... О героизмѣ, о подвигахъ, о самопожертвованіи русскаго матроса онъ уже не помнитъ, не желаетъ помнить. Для него матросъ — синонимъ разбойника, грабителя. Онъ не желаетъ его понять, а тѣмъ менѣе простить... Онъ первый готовъ крикнуть набавившему его отъ русскаго матроса спасителю:

— Распни его!

Морально обыватель уже его распялъ, совершенно не думая о томъ, что придетъ время, и изслѣдователи народнаго быта за этого развращеннаго героя возложатъ отвѣтственность на самаго обывателя и пригвоздятъ его къ позорному столбу...

Исторія не забудетъ русскому матросу того, что, когда обыватель еще коснѣлъ въ рабствѣ и мирился съ нимъ, пытаясь сгладить его рѣзущія острыя грани угодничествомъ, униженіемъ и мзодательствомъ, матросъ первый поднялъ красное знамя возмущенія и въ борьбѣ за общее дѣло не щадилъ своей жизни. На вѣсы, для уравновѣшенія чаши съ матросскими преступлениями, историкъ броситъ возстаніе „Потемкина“, геройскую борьбу матросовъ-сподвижниковъ лейтенанта Шмидта и тысячи безымянныхъ жертвъ Кронштадта и Свеаборга въ 1905 году, погибавшихъ отъ царскихъ картечей въ тотъ моментъ, когда теперешній судья-обыватель спокойно „жилъ, поживалъ да добро въ изобиліи наживалъ“...

Погибшихъ схоронили, уцѣлѣвшихъ услали въ рудничныя работы... Кто заступился тогда за подвергшихся истребленію? Кто взялъ тогда заботу объ нихъ, объ ихъ осиротѣлыхъ семьяхъ?.. Ими восторгались, но оставили на произволъ царской опричины, радуясь въ душѣ, что испить горькую чашу выпало на долю матросамъ, что ихъ, обывателей, чаша эта миновала...

Какое чувство долженъ былъ питать грубый, невѣжественный, но впечатлительный на гнетъ и тоскующій по свободѣ мужикъ, глядя на пресмыкающихся культурныхъ, образованныхъ и интеллигентныхъ рабовъ! Не зарождалось ли уже тогда то озлобленіе и то презрѣніе ко всѣмъ сытымъ, и ради этой сытости со всѣмъ мирящимся обывателямъ, которое впоследствии приняло столь уродливыя формы.

Сможетъ-ли историкъ пройти мимо этого „штиля“, этой „мертвой зыби“ на русскомъ общественномъ морѣ? И сможетъ-ли онъ бросить камень осужденія въ русскаго матроса за это презрѣніе и озлобленіе?

Цѣлые годы продолжалась эта мертвая зыбь, цѣлые годы матросскія поколѣнія, смѣнявшіеся одно за другимъ, жили разсказами о подвигахъ и самопожертвованіи ихъ отцовъ и о угодничествѣ „красы и гордости“ народа—русскаго культурнаго общества. Росло презрѣніе, накоплялось озлобленіе...

Разразилась война. Потоки кроваваго дождя и золотой грязи, безкорыстіе и любостяжаніе, тупой голодъ и острая спекуляція, тихое дѣло и громкая фраза...

И послѣдовалъ взрывъ... Смертельная схватка дикаго, невѣжественнаго Ормузда съ культурнымъ Ариманомъ, идейнаго варварства съ безыдейной культурностью...

„Внуки русскаго флота“ въ послѣдній разъ спѣли свою геройскую лебединую пѣсню и окрасили море своей геройской кровью въ моментъ, когда нашествіе грозило роковымъ ударомъ по революціи... Дивная, великая пѣсня умирающихъ, зовущихъ живыхъ на продолженіе борьбы... Но отклика не послѣдовало... И они, герои-разрушители, высадились на сушу, наивно вѣря въ свои строительныя способности... Привыкшіе къ морю, они на сушѣ качались, какъ пьяные, ориентировавшіеся на корабль въ темныя ночи по звѣздамъ, они на сушѣ болотные огни принимали за

сигнальные огни, путемъ разрушенія думали созидать, путемъ уничтоженія — очищать... Слепые въ своей вѣрѣ, они шли на проломъ. Приученные къ проливанію крови, они, упадившіе своей, не щадили и чужой. Злоба и месть — обычные черты раба — заглушили всѣ геройскіе порывы. Въ идейныхъ, но невѣжественныхъ людяхъ проснулось звѣрь... Зараза, въ борьбѣ съ которой цѣлыя поколѣнія русскихъ матросовъ приносили неисчислимыя жертвы, проникла въ ихъ собственные ряды... Любостяжаніе, жестокость, деспотическія наклонности погубили прежнихъ героев — и они погибли... Надъ ихъ могилой отплясывали побѣдный танецъ тѣ, кто привилъ имъ ядъ разложенія...

И въ отвѣтъ на крикъ: Распни ихъ! — невольно напѣшивается мольба къ обреченнымъ, просьба о прощеніи...

Простите за то, что вы, герои и созданные для героизма, пали жертвой нашего себялюбія, нашихъ эгоистическихъ стремленій, нашего сребролюбія, нашей безыдейности...

Простите, несчастныя жертвы нашего уклада жизни, подлаго наслѣдія царизма и нашего рабства.

Простите, несчастные!..

К. О. Н.

Отрывокъ изъ трагедіи „Серпы“.

Актъ III.

Лабораторія. Высокія бѣлыя стѣны. Справа узкое, высокое окно. Слева большой бѣлый экранъ. Вѣсы, холодильники, перегонные кубы, спирали, разные сложные аппараты. Въ глубинѣ возится со стрѣлками и циферблатами Ученикъ. У окна въ прямолинейномъ креслѣ сидитъ Профессоръ. Часъ заката.

ПРОФЕССОРЪ.

Червонная тяжелая пчела
летитъ домой съ благоуханнымъ грузомъ,
и медленное тѣло багровѣетъ
на западѣ въ сырцовыхъ облакахъ.
На западѣ ея извѣчный улей
вбираетъ плодоносную пыльцу,
и всѣ цвѣты затерянной земли
обложены суровой этой данью.
Но лишь повѣютъ опахала тьмы,
и медленный пожалуется вѣтеръ, —
забытыя взлетаютъ порошинки,
становятся безчисленной звѣздой...
И ясны мнѣ томленія созвѣздій
и полуночная тоска цвѣтовъ:
ненужная безплодная пыльца
въ безплодныхъ заброшена пространства.

И новые, и новые рои
родятся для просторовъ омертвѣлыхъ,
и будетъ, будетъ — въ безвоздушныхъ высяхъ
увиджу всѣхъ сыновъ моей земли...
Томленіе...

УЧЕНИКЪ (приближается).

Простите, можно мнѣ?..

Что съ вами, почитаемый учитель?
Ужъ два часа за вспыхиваньемъ трубокъ
слѣжу прилежно я и убѣжденъ,
что ваша формула распадается — дивно,
точнѣйше вычеканена. А вы
сидите отчужденно и сурово,
какъ будто вы не рады, что отнынѣ
всего десяткомъ вашихъ аппаратовъ
земля согрѣта и освѣщена.
Подумать, что провалы рудниковъ
отнынѣ не увидятъ человѣка,
что поплавки на гребняхъ водопадовъ

одни останутся внимать ихъ грому,
и людямъ изъ-подъ куполовъ стеклянныхъ
не надо выходить навстрѣчу вѣтру.
Въ восторгѣ я. Я упоенъ. А вы...
Что съ вами?

ПРОФЕССОРЪ.

Такъ, попались мнѣ опять
стихи того забытаго поэта,
исполненные смутныхъ угаданій,
зеркальныхъ тайнъ и магіи камней.
Лѣтъ полтора уже, какъ умеръ онъ,
а рѣчь его звучала, какъ живая,
въ моемъ сознаніи. Иль это я
къ нему являлся будущею формой...
Но только снова зыблются во мнѣ
мои давно задавленные мысли.

УЧЕНИКЪ.

Какія мысли?

ПРОФ.

Подойди къ окну.

Глянь въ этотъ гулъ чугунный, въ этотъ мракъ.
Что видишь тамъ на темноржавомъ небѣ?

УЧЕНИКЪ.

Тамъ тонкій куполъ Западныхъ Кварталовъ.
Антенны. Пристань для аэронефовъ.
Краснѣетъ рогъ родившейся луны.
И... Вотъ и все.

ПРОФ.

О, этого довольно.

Луна, какъ раскаленный гнѣвный серпъ,
скользитъ по небу мѣдною угрозой.

УЧЕНИКЪ.

Не понимаю я.

ПРОФ.

Припомни: Тигръ,

Евфратъ. Болотное тепло долины.
И вздыбился бѣлокирпичный гномонъ
крыломъ нетопыринимъ въ небеса.
И блѣдный магъ сидитъ на зыбкой вышкѣ
и ловить мертвые томленья лунъ...
Ты, помнится, рассказывалъ, что въ дѣтствѣ,
заплывши въ море, какъ бы обмиралъ
среди двухъ безднъ, и тихо такъ и остро
натягивалась и рвалась душа...
Все человѣчество больно падучей,
и въ насъ ее разбрызгала луна,
бездушно просверкавъ надъ Вавилономъ,
надъ вышками его обсерваторій.
Болѣзнь всѣ души пропитала ядомъ,
ползла, дробилась въ сотняхъ поколѣній
и всплески острые взметала ввысь.
Растерзанныя ризы. Пепелъ жертвы
на головахъ израильскихъ пророковъ.

Неронъ, Калигула и Каракалла
и Магометъ. Крестовые походы.
И пляски прокаженныхъ городовъ,
и шабаши на Брокенскихъ утесахъ,
и карманьола возлѣ гильотинъ.
Все — цезарей вѣнцы, жрецовъ эфоды,
магистерскія мантии, броня
храмовниковъ и брюки... санкюлотовъ —
пропитаны духовною тоффаной.
Въ противорѣчьяхъ пробѣгаетъ міръ.
И лунное застылое сіянье
обратнымъ эхомъ повторилось тутъ
въ гигантской аритміи содроганій.
Уже столѣтье замерли они:
изъ нашихъ городовъ не видно неба.
Лишь здѣсь у насъ, на много сотенъ метровъ
воздвигнутыхъ, оно напоминаетъ
о старыхъ выкликахъ. А гдѣ-то зрѣетъ,
да, зрѣетъ все-таки безумный вихрь
предѣльной дрожи. Вѣдь, ничто не гибнетъ,
и миллиарды тѣлъ взрастили травы
на вскормленной гніеніемъ землѣ, —
отравленные травы... И повторяютъ
свои дрожанія въ тѣлахъ грядущихъ.
Объ этомъ думалъ я и вотъ прочелъ
опять въ стихахъ о зеркалахъ полярныхъ,
о тускломъ эхо ихъ. Теперь — ты понялъ?

УЧЕНИКЪ.

О да, учитель, понялъ. Только...

ПРОФ.

Что?

УЧЕН.

Нѣтъ, ничего...

ПРОФ.

Да говори!

УЧЕН.

Пожалуй...

Мнѣ кажется, что слишкомъ ужъ печально
вы смотрите на будущіе дни.
Вѣдь, если и болѣны падучей люди,
то это все въ прошедшемъ. Въ наше время
ни прокаженныхъ нѣтъ, ни гильотинъ.
Все равномѣрно, все нормально. Годы,
десятки лѣтъ — питанье, свѣтъ и воздухъ
озономъ окружали человѣка
и вытравивали старые слѣды.
Проклятый трудъ спокойнымъ сталъ и краткимъ.
Нигдѣ не встрѣтите былыхъ терзаній —
ни въ книгахъ, ни въ сердцахъ. Я твердо вѣрю,
что мы у входа въ новый Капитолій,
гдѣ вѣчная намъ слава суждена.
О, человѣчество! Его дорога
стремится ввысь. Мы знаемъ...

ПРОФ.

Какъ ты глупъ.
Да эти вотъ „питаніе и воздухъ“
и сохранили намъ былия боли,
какъ въ ампулахъ запаянныхъ — на годы
сбережено отравное бродило.
Испорченныя зерна, давъ ростокъ,
развертываются стеблемъ ущербнымъ;
двѣ-три весны, и хилые побѣги
безплодно распыляютъ сѣмена,

и, мертвые, они мертво и гибнутъ.
А мы хранили и оберегали,
жалѣли, не давали умереть.
Пріюты и рабочіе дома
заглаживали океанъ болѣзни,
какъ жиръ китовый покрываетъ бурю,
оберегая гибнущій корабль.
Но, мертвой зыбью продышавъ, тифоны
вздываются съ утроенною силой,
и новый взмывъ ничѣмъ неукротимъ...

Георгій Шенгели.

Турція.

(Лубокъ.)

I

Закатнаго неба корзина
Цвѣтовъ багряныхъ полна.
Я слышу призывъ муэдзина...
Вдали тоскуетъ волна...

Рой мыслей горькихъ развѣянъ...
Кальяннымъ отданъ мечтамъ,
Я съ вышедшими изъ кофеенъ
Иду въ мечеть, какъ имамъ...

II

Темнѣетъ... Не видно чаекъ
Надъ изгородями рей...
Плыви, мой маленькій кайкъ,
Къ сералю паши скорѣй!

Влечетъ, волнуетъ опасность,
И погасаетъ страхъ!
И снова—алая страстность
На бирюзовыхъ коврахъ.

За дверью—подкупленный евнухъ,
Съ оружіемъ насторожѣ.
Отъ словъ гортанно-напѣвныхъ
Пьянѣю... Я пьянъ уже!

Окутанъ краснымъ туманомъ,
Усну я, чадрою шурша,
И пусть тогда ятаганомъ
Меня обезглавитъ паша!

1917.

Александръ Гатовъ.

27 июля 1830 года.

Случайнымъ выстрѣломъ старуха сражена,
и рота гвардіи глядѣла съ перекрестка,
какъ съ тѣломъ поползла капустная повозка.
Зардѣли факелы и взмыли знамена.

За полночь перешло. Все двигалась она.
Толпа все ширилась, нелѣпо и громоздко,
и ярость плавилась, и сыпалась известка
и битое стекло изъ каждого окна.

А въ бѣдной хижинѣ за Севрскою дорогой
священникъ молодой, томимъ глухой тревогой,
рѣшилъ вплоть до утра сидѣть и ожидать,

и передъ Распятіемъ клалъ свои поклоны.
Не зналъ, что въ этотъ мигъ его старуха-мать
движеніемъ мертвыхъ рукъ ниспровергала троны.

Георгій Шенгели.

Изъ цикла „Городъ“.

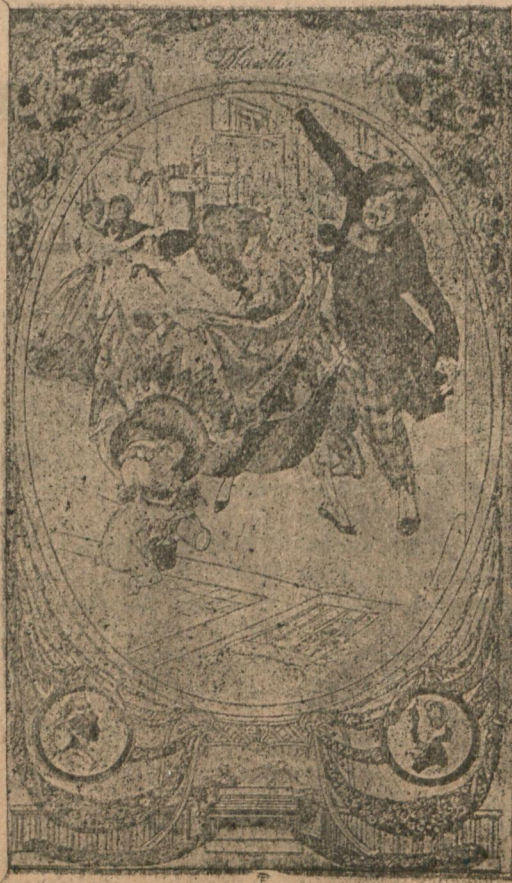
Предчувствую...

В. В. Маяковскому.

Довольно пошлости въ искусствѣ,
Истертыхъ, выложенныхъ словъ!
Душа полна иныхъ предчувствій,
Интуитивно-вѣщихъ сновъ!

Намъ надоѣли перепѣвы!
Они для слышащихъ ушей,—
Какъ сердцу чуткой королевы
Шаблонная любовь пажей!

Въ поющемъ шумѣ гулкой стали,
Въ странѣ скрежещущихъ машинъ
Открыты новыя скрижали
Изломавъ пламенной души.

Мечтѣ зажглись иныя цѣли.
Ей тѣсны старыя слова!
Но ужъ давно у колыбели
Сошлись незримо три волхва.

И я, взыскующій предтеча,
Вѣщаю радостный завѣтъ:
— Готовьтесь, люди къ свѣтлой
встрѣчѣ!
— Грядетъ божественный Поэтъ!

Его путей прозрѣть не смѣя,
Я славлю царственный приходъ,—
И пусть толпа, какъ Саломея,
Замолкшій поцѣлуетъ ротъ!

1916 г.

П. Шлейманъ.

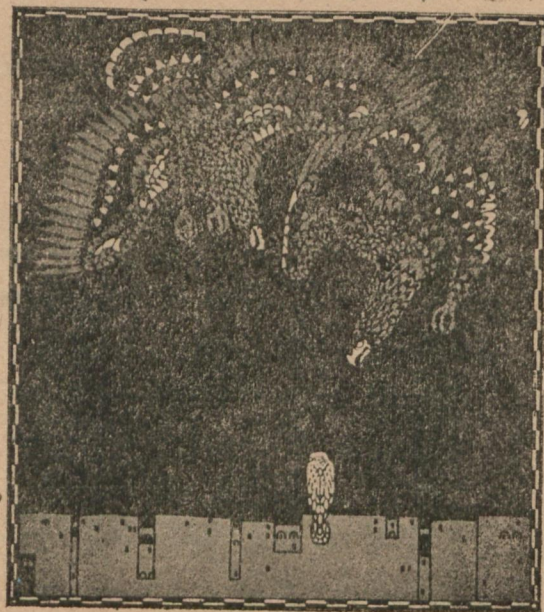

* * *

На клавиши стариннаго рояля
 Ложились пальцы блѣдныхъ, нѣжныхъ рукъ,
 И падали за звукомъ тайный звукъ,
 Какъ бликъ лица за темною вуалью,
 Полны пьянящихъ безконечныхъ мукъ.
 Въ лучахъ луны загадочно туманныхъ
 Дрожали струны между двухъ планетъ,
 И въ ихъ волнахъ росъ царства мертвыхъ свѣтъ.

Стремящійся войти въ живыя страны,
 Чтобъ утвердить свое слѣпое „нѣтъ“.
 И каждый лучъ, замороженный въ струны,
 Томя сжималъ, подъ зовами души;
 Онъ все шепталъ: „Иди за мной, спѣши!“
 И росъ вновь въ монолитъ безсмертно лунный,
 Сжигая кругъ ночной, нѣмой тиши.

Алатръ.

Образы любви и смерти корнета Христофа Рильке.

Эту поему въ ритмической прозѣ написалъ Райнеръ Маріа Рильке, величайшій поэтъ современной Германіи, гениальный представитель нѣмецкаго художественнаго модерна. Послѣ смерти Эмиля Верхарна нѣмецъ Рильке выступаетъ на сцену бельгійскому поэту, какъ выразитель творческаго совершенства литературной современности. Творчество Рильке разнообразно и открываетъ совершенно новые пути въ области поэтического ритма и ритмической прозы. Критикъ Куртъ Мартенсъ говоритъ о Рильке: „Его произведенія состоятъ изъ безчисленныхъ маленькихъ, великолѣпныхъ вещей, изъ которыхъ слагается глубокое общее впечатлѣніе. Стиль Рильке слишкомъ своеобразенъ, слишкомъ продуманъ и богато развитъ, чтобы можно было сразу оцѣнить его по достоинству и опредѣлить его мѣсто въ литературѣ. Такія произведенія должны быть прежде всего глубоко пережиты самимъ читателемъ. Проза и лирика Рильке заключаютъ въ себѣ зародыши новой, еще лежащей въ будущемъ эпохи поэтического творчества“. Рильке долго жилъ въ Россіи, и впечатлѣнія русской культуры оставили неизгладимый отпечатокъ въ его личной духовной и поэтической эволюціи. Россіи посвящена первая часть его трилогіи „Часословъ“.

„Любовь и смерть Христофа Рильке фонъ Лангенау“ представляетъ собой по содержанію фантастическую повѣсть о дѣйствительномъ событіи, о смерти въ Венгріи отдаленнаго предка самого Рильке во время похода австрійскихъ и союзныхъ рыцарей противъ Турціи въ половинѣ 17-го вѣка. Стиль этой поэмы, написанной въ 1899 году, даетъ образецъ тѣхъ новыхъ и своеобразныхъ совершенствъ, какія внесъ Рильке въ художественное творчество Германіи.

Другіе сборники Рильке: „Раннія стихотворенія“, „Новыя стихотворенія (1905—1907)“, „Часословъ (1. О монастырской жизни, 2. О

паломничествѣ, 3. О нищетѣ и смерти)“, „Книга образовъ“, „Записки Мальте Лаурида Бригге“ (автобіографія самого Р. М. Рильке), „Requiem“, „Житіе Св. Дѣвы Маріи“, драма „Повседневная жизнь“, монографія о творествѣ Родэна, переводы нѣкоторыхъ поэтическихъ произведеній съ французскаго и португальскаго. и др.

На русскій языкъ переведены „Записки Мальте Лаурида Бригге“; нѣсколько стихотвореній Рильке, но чрезмѣрно стилизованно перевелъ Эльснеръ въ своей антологіи современной нѣмецкой лирики. Критическая статья о Рильке Лариссы Рейснеръ („Лѣтопись“, 1917, № 7—8) интересна и содержательна, но страдаетъ нѣкоторыми, очень грубыми фактическими погрѣшностями. Переводъ этой поэмы выполненъ В. Рожицынымъ.

... 24 ноября 1663 года Отто фонъ Рильке (изъ Лангенау), (Граница и Цигра), былъ введенъ во владѣніе имѣніемъ Линда, оставшимся ему въ наслѣдство послѣ смерти въ Венгріи брата его Христофа; однако, онъ долженъ былъ написать заявленіе, (которымъ уничтожались его ленныя права), на случай, если вернется его братъ Христофъ, который, согласно присланному увѣдомленію, погибъ въ чинѣ корнета коннаго императорскаго австрійскаго Гейстерскаго полка въ походѣ подъ командой рыцаря Пировано“...

Мчатся, мчатся, мчатся, цѣлый вечеръ, цѣлый день, цѣлый день.

Мчатся, мчатся, мчатся.

Сердце такъ устало, и тоска стала огромной. Нѣтъ больше горь, едва встрѣчаются деревья. Ничто не смѣетъ поднять голову. Чуждыя хижины жмутся къ берегамъ болотистыхъ рѣкъ. Нигдѣ не видно башни. Все та же, та же картина. Слишкомъ много двухъ глазъ, чтобы глядѣть на нее. Только ночью путь кажется знакомымъ. Должно быть, мы постоянно возвращаемся на то мѣсто, которое съ такимъ трудомъ завоевали подъ чужимъ солнцемъ? Возможно. Солнце низкое, какъ у насъ въ срединѣ лѣта. Но вѣдь мы разстались лѣтомъ. Одежды женщинъ далеко видѣлись въ зелени. И мы въ пути уже давно. Значить, настала осень. По крайней мѣрѣ, тамъ, гдѣ помнятъ о насъ опечаленныя женщины.

Фонъ Лангенау оглядывается въ сѣдлѣ и говоритъ: „Маркизь...“ Егососѣдъ, изящный маленькій французъ, три дня смѣялся и болталъ. Теперь онъ разучился. Онъ похожъ на ребенка, которому хочется спать. На его изящномъ бѣломъ кружевномъ воротникѣ лежитъ пыль. Онъ не замѣчаетъ. Онъ изнемогъ, усталъ въ своемъ бархатномъ сѣдлѣ.

Фонъ Лангенау улыбается и говоритъ: „У васъ пре- красные глаза, маркизь. Должно быть, какъ у вашей матери—“.

Тогда маленький рыцарь опять расцвѣтаетъ, смахиваетъ пыль съ воротника и словно обновляется.

Кто-то говоритъ о своей матери. Должно быть, нѣмецъ. Громко, медленно подбираетъ слова. Какъ-будто дѣвушка вяжетъ вѣнокъ, задумчиво подбираетъ цвѣтокъ къ цвѣтку и еще не знаетъ, что выйдетъ въ цѣломъ—: такъ онъ подбираетъ слова. Къ радости? Къ печали? Всѣ слушаютъ, даже шумъ прекратился. Вѣдь это рыцари, умѣющие быть вѣжливыми. А кто въ отрядѣ не умѣетъ по-нѣмецки, сразу все угадываетъ, ловя отдѣльные слова: „Однажды вечеромъ... Былъ маленькимъ...“

Всѣ они близки другъ-другу, эти рыцари, пришедшіе изъ Франціи, Бургундіи, изъ Нидерландовъ, долины Каринтіи, отъ императора Леопольда. Ибо рассказанное однимъ пережито всѣми другими, и совершенно такъ же. Какъ-будто у всѣхъ—одна мать...

Такъ ѣдутъ вечеромъ, однажды вечеромъ. Опять молчатъ, но у всѣхъ есть свѣтлыя слова. Вотъ, маркизь снимаетъ шлемъ. Его темные волосы влажны. Когда склоняетъ голову, они падаютъ на шею, какъ у дѣвушки. Теперь фонъ Лангенау тоже видитъ: вдали вздымается въ вечернемъ блескѣ что-то стройное и темное. Одинокая разбитая колонна. И когда уже давно она осталась позади, приходитъ—поздно—мысль: это была Мадонна.

Сторожевой огонь. Вокругъ костра сидятъ на стражѣ. Но всѣ устали. Тяжелый красный свѣтъ. Лежитъ на пыльных сапогахъ, ползетъ по колѣнямъ, глядитъ на скрещенныя руки. Вѣдь, у него нѣтъ крыльевъ. Лица во мракѣ. И все же на мгновеніе глаза маленькаго француза вспыхиваютъ собственнымъ свѣтомъ. Онъ цѣлуетъ маленькую розу, и пусть она вянетъ опять у него на груди. Фонъ Лангенау видѣлъ это, ибо онъ не спитъ. Онъ думаетъ: у меня нѣтъ розъ, нѣтъ розъ.

И онъ поетъ. Старинная печальная пѣсня. Ее поютъ въ поляхъ на родинѣ дѣвушки, когда кончается осенняя жатва.

Маленькій маркизь говоритъ: „Вы очень молоды, рыцарь?“

Фонъ Лангенау отвѣчаетъ, немного печально и гордо: „Восемнадцать“. И оба молчатъ.

Потомъ спрашиваетъ французъ: „Рыцарь, дома осталась ваша невѣста?“

„Ваша?“ повторяетъ фонъ Лангенау.

„Она бѣлокурая, какъ вы“.

Они снова молчатъ. Потомъ нѣмецъ восклицаетъ: „Какого дьявола сидите вы въ сѣдлѣ и мчитесь черезъ эту ядовитую страну навстрѣчу турецкимъ собакамъ?“

Маркизь улыбается: „Чтобы вернуться“.

Фонъ Лангенау охваченъ печалью. Онъ думаетъ о бѣлокурой дѣвушкѣ, съ которой игралъ. Дикія игры! О, если бы вернуться домой, лишь на мгновеніе, только, чтобы успѣть сказать слова: „Магдалена— за то, что всегда былъ я такимъ, прости!“

Что значить—былъ? думаетъ юный рыцарь.— И они такъ далеки.

Однажды утромъ показался всадникъ, за нимъ другой, четверо, десять. Покрытые желѣзомъ, огромные. За ними тысяча: войско.

Надо разстаться.

„Счастливаго пути домой, маркизь. ———“

„Да хранить васъ Марія, рыцарь“.

И они не могутъ разстаться. Они стали друзьями сразу, братьями. Еще надо много довѣрить другъ-другу. Они такъ много уже знаютъ другъ о другѣ. Они медлятъ. А вокругъ спѣшать, и кони бьютъ копытами. Тогда маркизь снимаетъ большую желѣзную перчатку. Онъ вынимаетъ маленькую розу, срываетъ лепестокъ. Словно дѣлать Св. Причастіе.

„Это васъ будетъ хранить. Прощайте“. Фонъ Лангенау удивленъ. Долго смотритъ вслѣдъ французу. И прячетъ лепестокъ подъ панцырь. Волны вздымаются и падаютъ въ сердцѣ. Зовъ рога. Онъ мчится къ войску, нѣмецкій рыцарь, и улыбается печально: его охраняетъ чужая женщина.

Яркій день надъ лагеремъ. Брань, краски, смѣхъ—: отъ нихъ ослѣпла равнина. Сбѣгаются пестрые люди. Драка и крики. Приходятъ женщины въ пурпуровыхъ уборахъ, изъ-подъ которыхъ волнами выются волосы. Приходятъ солдаты, въ черномъ желѣзѣ, похожіе на странствующую ночь. Они пламенно хватаютъ женщинъ, разрывая платья. Опрокидываютъ, обнимая, на барабаны. И отъ дикой борьбы сплетенныхъ рукъ барабаны пробуждаются, какъ въ полуснѣ, гремятъ они, гремятъ—. А вечеромъ ставятъ на нихъ фонари. Странно: вино свѣтится въ желѣзныхъ бокалахъ. Вино? Или кровь?— Кто смѣетъ различить?

Наконецъ,—передъ Споркомъ. У своего коня возвышается графъ. Его длинные волосы блестятъ, какъ сталь.

Фонъ Лангенау никого не спрашивалъ. Онъ узналъ генерала, сошелъ съ коня и поклонился въ облакъ пыли. Съ нимъ письмо, которое представить его графу. Но тотъ командуетъ: „Брось эту дрянь“. Его губы не шевелятся. Онъ нуженъ ему лишь для проклятій. Остальное досказываетъ правая рука. Довольно! Всѣ глядятъ на нее. Юный рыцарь изнемогаетъ. Только Споркъ передъ нимъ. Даже

небо исчезло. И вотъ Споркъ, великій генераль, произно-
ситъ:

„Корнетъ“.

И этого много...

Отрядъ на лагерной стоянкѣ у
Рааба. Фонъ Лангенау, одинокій, ѣдетъ на конѣ. Равнина.
Вечеръ. Украшенія сѣдла блестятъ сквозь пыль. И потомъ
восходитъ мѣсяцъ. Онъ чувствуетъ его свѣтъ на рукахъ.

Онъ грезить.

Но кто-то зоветъ его.

Зоветь, зоветь.

Разбиваетъ его грезу.

Это не сова кричитъ. Зовъ о помощи:

одинокое дерево кричитъ ему:

Юноша!

И онъ глядитъ: что-то простерто. Тѣло привязано къ
дереву — юная женщина, въ крови, нагая.

Онъ понялъ: Спаси меня!

Онъ бросается въ черную зелень,

разсѣкаетъ грубыя веревки.

И видитъ пламенные взоры,

сверкающіе зубы.

Она смѣется?

Страшно!

И онъ уже на конѣ, и мчится въ ночной просторъ,
крѣпко сжимая покрытыя кровью поводья.

Фонъ Лангенау задумчиво пишетъ
письмо. Медленно чертитъ большія, серьезныя, строгія
буквы:

„Моя дорогая мать,

„гордись: Я знаменосецъ!

„не тревожься: Я знаменосецъ!

„люби меня: Я знаменосецъ! — “

Потомъ онъ прячетъ письмо въ потаенное мѣсто, въ
панцырь, гдѣ лепестокъ розы. И думаетъ: оно будетъ пах-
нуть розой. И думаетъ: быть можетъ, кто-нибудь найдетъ
его... И думаетъ..... ибо врагъ уже близко.

Они переѣзжаютъ черезъ трупъ
убитаго крестьянина. Его глаза широко открыты, и что-то
отражается въ нихъ: но не глубина неба. Позже воютъ псы.
Деревня появляется, наконецъ. Надъ хижинами высоко каме-
нѣтъ замокъ. Широко открылся мостъ передъ ними. Широ-
ко открылись ворота. Громко привѣтствуетъ рогъ. Слушайте,
громъ барабана, лязгъ, лай псовъ. Кони ржутъ во дворѣ,
топотъ копытъ и крики.

Отдыхъ! Быть чѣмъ-нибудь го-
стемъ хоть разъ. Не всегда самому скупому заботиться о себѣ.
Не всегда видѣть вражду вокругъ. Хотя бы разъ глядѣть
спокойно и думать: все прекрасно кругомъ. И мужество
должно когда-нибудь лежать безопасно на коврахъ, играя
въ шелковыхъ тканяхъ. Не быть всегда солдатомъ. Распу-
стить волосы, надѣть свободный широкий воротникъ, сидѣть
въ шелковыхъ креслахъ и чувствовать всего себя, какъ
послѣ нѣжной теплой ванны. И вновь впервые узнать жен-
щинъ. Знать, какъ онѣ блѣднѣютъ, глядѣть въ голубые
глаза. Какія руки у нихъ, какъ поетъ ихъ смѣхъ, когда
бѣлокурые мальчики несутъ великолѣпные подносы, тяжелые
отъ сочныхъ плодовъ.

Когда начинается пиръ. Праздникъ.
Никто не знаетъ, какъ. Высоко взвигается пламя, звенятъ
голоса, безсвязныя пѣсни, какъ блескъ хрустали, и, нако-
нецъ, возникаетъ мотивъ: начинается танецъ. Все уноситъ
въ себѣ. Волны въ прибоѣ бьются въ залахъ, встрѣчаются,
отходятъ и прощаются и снова находятъ себя, упоеніе свѣта,
ослѣпительный блескъ, мѣрный тактъ знойныхъ вихрей,
вьющихся въ одеждахъ пламенѣющихъ женщинъ.

Изъ тысячъ розъ и темнаго вина часъ опьяненія врыва-
ется въ ночные сны.

Кто-то стоитъ, удивленный этимъ
великолѣпьемъ. Станный: онъ ждетъ и боится проснуться.
Вѣдь, только въ грезѣ можно видѣть величіе и праздникъ
такихъ женщинъ: каждый жестъ ихъ прекрасенъ, какъ
складки прекрасной одежды. Онъ свиваютъ ткань часовъ
изъ своей серебряной бесѣды, и поднимаютъ иногда руки
такъ —, и кажется, какъ-будто гдѣ-то въ недоступномъ
мірѣ цвѣтутъ благоуханныя розы, и ты ихъ не видишь. И
гредишь: быть украшеннымъ розами, быть счастливымъ,
заслужить для своей неувынчанной головы вѣнокъ.

Кто-то, въ одеждѣ изъ бѣлаго шелка
видитъ, что онъ не проснется, ибо онъ не спитъ и окутанъ
дѣйствительностью. Во снѣ тревожно убѣгаетъ въ паркъ и
стоитъ въ паркѣ, одинокій въ черномъ паркѣ. И праздникъ
далекъ. И огни лгутъ. И ночь близка вокругъ и темна.
И онъ спрашиваетъ женщину, склоненную къ нему:

„Это ты, ночь?“...

Она улыбается.

И тогда онъ стыдится себя за свою бѣлую одежду.

О, если бѣ уйти далеко, стать одинокимъ, въ
полномъ боевомъ вооруженіи.

Въ полномъ боевомъ вооруженіи.

Ты развѣ забылъ? Ты мой пажъ
въ этотъ день. Ты хочешь покинуть меня?
Куда ты уйдешь? Я имѣю право на тебя: ты въ бѣлой
одеждѣ — “.

„Неужели тоскуешь о грубомъ панцырѣ?“

„Дрожишь отъ холода? — Неужели тоскуешь о родинѣ?“

Графиня улыбается.

О, нѣтъ. Лишь потому, что дѣтская робость падаетъ съ
колѣнъ и рукъ, какъ нѣжная печальная одежда. Кто взялъ
ее? „Ты?“ Спрашиваетъ онъ голосомъ, котораго не слышалъ
раньше самъ. „Ты!“ Теперь все равно. Теперь нагой, какъ
святой отшельникъ. Свѣтлый и стройный.

Медленно гаснетъ замокъ. Всѣ
устали: изнеможенные, влюбленные и опьяненные. Послѣ
долгихъ пустынныхъ ночей въ лагерѣ: кровати. Широкия
дубовыя кровати. На нихъ лежать совсѣмъ не то, что въ
жесткихъ ложахъ въ пути, похожихъ на гробъ, когда
падаешь на нихъ въ мертвомъ снѣ.

„Господи, да будетъ воля Твоя“.

Короче молитвы въ постели.

Но искренній.

Комната въ башнѣ темна.

Они свѣтятъ другъ-другу улыбками. Прижимаются,
какъ слѣпые, и находятъ другъ-друга, какъ выходъ. Словно

дѣти, боящіеся ночи, прижимаются. Но страха нѣтъ. Нѣтъ ничего враждебнаго: ни завтра, ни вчера. Время разрушилось. И цвѣтеть изъ своихъ обломковъ.

Онъ не спросилъ: „Кто твой мужъ?“

Она не спросила: „Какъ тебя зовутъ?“

Они нашли себя, чтобы стать вмѣстѣ новымъ поломъ.

Они даютъ другъ-другу тысячи именъ и снова отымаютъ, нѣжно произнося ихъ на ухо, какъ будто вынимая серьги.

Въ залѣ на креслѣ брошенъ панцирь, перевязъ и плащъ фонъ Лангенау. Перчатки упали на полъ. Но знамя стоитъ, прижавшись въ переплету окна. Черное и стройное. Тамъ, за окнами, буря несется въ небѣ и рветъ ночь на куски, на бѣлые и черные. Лунный свѣтъ проходить мимо, словно долгій взоръ, и безпорядочныя складки знамени роняютъ тревожныя тѣни. Оно грезить.

Развѣ окно открыто? Развѣ вихрь ворвался въ замокъ? Кто стучитъ въ двери? Кто ходитъ по комнатахъ? — Кто бы тамъ ни былъ, не надо! Какъ подъ защитой ста дверей, окованныхъ въ желѣзо, великій сонъ, владѣющій двумя людьми, общій для нихъ, какъ одна мать, какъ одна смерть.

Развѣ настало утро? Какое солнце восходитъ? Какое огромное солнце? Развѣ это птицы? Ихъ голоса повсюду.

Вездѣ свѣтло, но нѣтъ дневного свѣта.

Повсюду звуки, но не птичьи голоса.

Это балки пылаютъ. Это окна кричатъ. Они кричатъ, багровыя, врагамъ внизу, столпившимся въ пылающей равнинѣ, кричатъ: „Пожаръ!“.

Съ разорваннымъ сномъ на лицѣ тѣснятся всѣ полунагіе, наполовину въ желѣзѣ, изъ зала въ залъ, изъ корридора въ корридоръ, отыскивая лѣстницу.

Задыхаясь, рыдаютъ трубы внизу:

Собирайтесь, собирайтесь!

И гремятъ барабаны.

Но съ ними нѣтъ знамени.

Крики: Корнетъ!

Бьются кони, молитвы, проклятья, яростный вопль: Корнетъ!

Желѣзо о желѣзо, команда, сигналъ; тишина: Корнетъ!

И еще разъ: Корнетъ!

И бѣшеная конница вылетаетъ.

Но съ нею нѣтъ знамени.

Онъ мчится стремглавъ черезъ огненные переходы, черезъ двери, которыя, пылая, сжимаютъ его, по ступенямъ, которыя обжигаютъ его, онъ выбѣгаетъ изъ горящаго замка. На рукахъ его знамя, какъ бѣлая женщина, потерявшая сознание. Находить коня. Онъ похожъ на крикъ: черезъ все, мимо всего, скорѣе къ своимъ. И вдругъ знамя приходитъ въ себя. Никогда оно не было такимъ царственнымъ; и теперь всѣ глядятъ на него, узнаютъ издалека свѣтлаго человѣка безъ шлема и узнаютъ знамя...

Но вдругъ оно начинаетъ свѣтиться, разворачивается, становится огромнымъ и багровымъ...

Знамя пылаетъ среди враговъ, они ловятъ его.

Фонъ Лангенау въ толпѣ враговъ, одинокій. Страхъ поставилъ его въ пустомъ кругу, и онъ стоитъ въ срединѣ подъ высокимъ обугленнымъ знаменемъ.

Медленно, почти задумчиво глядитъ кругомъ. Какъ много чужого, пестраго. Цвѣтушіе сады — думаетъ онъ и улыбается. Но чувствуетъ: взоры устремлены на него, узнаютъ людей, понимаетъ, что это собаки-язычники. — И на конѣ бросается въ толпу.

За нимъ смыкаются ряды, и вновь цвѣтушіе сады, и шестнадцать круглыхъ мечей занесены, бьются о мечъ, молнія о молнію. Какой праздникъ!

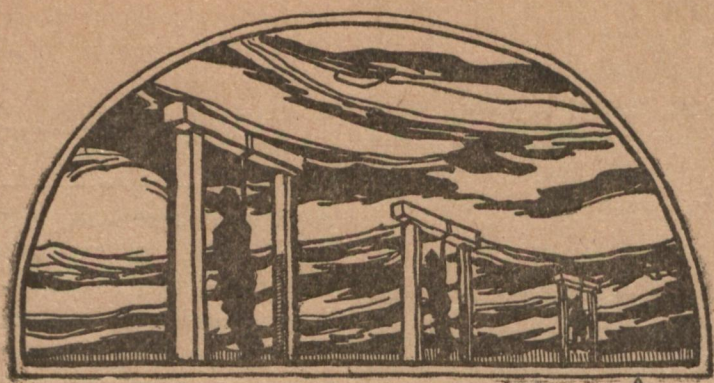
Каскады смѣющихся брызгъ.

Панцирь сгорѣлъ въ замкѣ, письмо и лепестокъ розы чужой женщины. —

Когда пришла весна (печальная, холодная въ тотъ годъ), медленно ѣхалъ отъ Пировано гонецъ въ Лангенау. Тамъ онъ увидѣлъ старуху въ слезахъ.

Райнеръ Маріа Рильке.

Воспоминанія.

ГЛАВА VII.

Работа въ типографіи — и тяжелая, утомительная, и механическая, не дававшая никакой пищи ни уму ни сердцу, несмотря на все была весьма привлекательной и своей опасностью и всѣми тѣми приѣмами, какіе приходилось примѣнять для того, чтобы избѣгнуть этой опасности. Малѣйшая неосторожность — и погибаетъ и человѣкъ, и вся уже исполненная имъ работа, и добытая и оборудованная иной разъ съ рискомъ для жизни — типографія. Малѣйшая оплошность или забывчивость — и люди работаютъ цѣлый день безъ пищи, безъ табаку... Выходить изъ типографіи въ теченіе дня за покупками — даже самая мысль объ этомъ казалась кощунственной... Малѣйшая тревога — и человѣкъ готовится ко всему.

Однажды, въ самый разгаръ работы на квартирѣ у Славинскаго — а въ разгаръ работы объ опасности совершенно забываешь — неожиданно на лѣстницѣ раздались тяжелые звуки шаговъ... Мгновенно въ типографіи все замерло... Типографскій валь застылъ на томъ мѣстѣ, гдѣ его застала тревога... Жутко... А шаги все ближе и ближе... Въ чердачномъ помѣщеніи другихъ квартиръ нѣтъ... Это къ намъ идутъ... За нами! *Finita la comedia!*

Молча, безъ словъ мы готовимся къ встрѣчѣ непрощенныхъ гостей... Вынутыя изъ кармановъ бумаги уже лежатъ на типографскомъ станкѣ... Стукъ въ двери, малѣйшая попытка ихъ взломать — и онѣ будутъ уничтожены... Три револьвера-бульдога такъ и манятъ къ себѣ стальнымъ блескомъ... Безъ боя не отдадимъ типографіи!..

— Тьфу! Не сюда! Не скажутъ путемъ! Тутъ не семнадцатый номеръ, а одиннадцатый!

Отлегло... Ложная тревога. Настроеніе сразу мѣняется... Напряженное состояніе смѣняется веселымъ, шутливымъ... Дембскій улыбается и безъ словъ подмигиваетъ намъ... Несчастные, взобравшіеся съ какой-то ношей на пятый этажъ, начинаютъ спускаться внизъ... Еще минута — и работа возобновляется... до слѣдующаго приключенія...

Болѣе интересна, но не окружена такими аксессуарами работа по набору. Единственная, сопряженная съ опасностью и требующая конспиративности работа, — это переноска шрифта. Набранный уже шрифтъ, стянутый проволокой, мы переносили въ боковомъ карманѣ, специально для этого приспособленномъ однимъ изъ товарищей-портныхъ... Но дьявольски трудно было переносить разсыпанный шрифтъ... Набьешь имъ, бывало, всѣ карманы... Но этого количества весьма недостаточно, и переносишь добавочную порцію въ рукахъ въ видѣ пакета или свертка, ни величиной ни формой не обращающаго на себя вниманіе.

Пятый номеръ „Пролетаріата“ набирался въ пасхальные дни. Примѣняясь къ этому, Дембскій весьма искусно соорудилъ пачку шрифта въ видѣ пасхальнаго кулича... Этотъ свинцовый куличъ такъ оттянулъ мнѣ руки, что въ теченіе двухъ дней я не могъ отдѣлаться отъ дрожи въ нихъ... Да, вдобавокъ, я могъ легко влопаться съ этой ношей. На одной изъ людныхъ улицъ я нечаянно задѣлъ этой воздушной ношей встрѣчнаго прохожаго. Какъ онъ воспринялъ это прикосновеніе, — не знаю, но я, и безъ того съ трудомъ удерживая въ рукѣ эту тяжелую ношу, чуть было не выронилъ ее...

По сравненію съ опасными приключеніями въ связи съ работой въ типографіи — это были сущіе пустяки. Но работа тутъ была сложнѣе. Принесенный шрифтъ надо было раскладывать по импровизированнымъ кассамъ. Профессіональный наборщикъ ошупью опредѣляетъ, какая буква у него въ рукахъ, — мы же должны были тщательно разглядывать каждую букву, а иной разъ для опредѣленія дѣлать оттискъ на бумагѣ... А сколько разъ, когда эта работа уже благополучно доведена до конца, въ кассахъ оказывались совсѣмъ пустыя клѣтки...

— Совсѣмъ нѣтъ буквы т...

— Должно быть, спутали съ п...

Начинается провѣрка... Нѣтъ...

— Какъ же быть?

— Ставьте пока п...

И ставишь... А послѣ при вытаскиваніи шиломъ этой буквы нѣсколько строкъ набора разсыпается...

А при увязкѣ шрифта... Намочишь шрифтъ, начинаешь стягивать проволокой... Трахъ... И вся работа пропала, и начинай съ начала этотъ Сизифовъ трудъ...

Съ теченіемъ времени выучились, даже пытались подражать ритмическимъ жестамъ подлинныхъ наборщиковъ, но вначалѣ — это былъ какой-то адъ кромѣшный... А все же набрали пятый номеръ „Пролетаріата“ — въ 16 страницъ — и нѣсколько листовъ Млота: „Кто чѣмъ живетъ“, такъ и не изданныхъ и очутившихся прежде появленія на свѣтъ въ рукахъ жанцармовъ.

Эту работу, такъ же, какъ и другія, мнѣ пришлось сразу оборвать.

Получилась условленная телеграмма отъ Куницкаго изъ Бреславля. Онъ привезъ транспортъ книгъ и брошюръ... Надо было его принять отъ него и перевезти черезъ границу. У меня были связи въ Кѣлецкой губерніи. Предстояло транспортъ перевезти изъ Бреславля въ Краковъ, а затѣмъ при содѣйствіи контрабандистовъ подъ моимъ личнымъ наблюденіемъ препроводить по назначенію. Полу-

чивъ отъ организаціи австрійскій паспортъ, я отправился въ Бреславль.

Куницкаго я не засталъ въ городѣ... Какъ разъ въ это время германская полиція перехватила транспортъ книгъ, предназначенныхъ для Россіи, и арестовала т. Дейча... Въ городѣ было не безопасно, и Куницкій, по совѣту мѣстныхъ нѣмецкихъ социаль-демократовъ, поселился гдѣ-то подъ городомъ на дачѣ. Извѣщенный телеграммой о моемъ приѣздѣ, онъ телеграммой же сообщилъ о днѣ и часѣ своего возвращенія въ Бреславль и просилъ встрѣтить его на вокзалѣ...

Поездъ, съ которымъ онъ приѣхалъ, былъ дачный, пассажировъ было не много, я внимательно слѣдилъ за высаживающимися на перронъ людьми, но Куницкаго среди нихъ не оказалось... Я обошелъ весь поездъ разъ, другой... но безрезультатно...

Недоумѣвая, что случилось, не зная, что дѣлать, я направился уже было къ выходу, какъ ко мнѣ подошелъ какой-то человѣкъ, смахивающій на приказчика или коммивояжера, свѣтло-рыжій, въ золотомъ темномъ пенсѣ, весьма изящно одѣтый...

— Кажется, г. Конъ?

Я былъ по чужому паспорту...

— Нѣтъ! Обознались, должно быть!

— Да нѣтъ же! — настаивалъ таинственный незнакомецъ, насмѣшливо улыбаясь.

Только по этой улыбкѣ я узналъ его. Это былъ Куницкій, измѣненный до неузнаваемости...

— „Черный!“ воскликнулъ я невольно...

— Теперь уже не „Черный“, а „Рыжій“, а еще лучше „Григорій“.

Такъ онъ до самого ареста остался „Григоріемъ“.

Мы зашли ко мнѣ въ гостиницу и обмѣнялись извѣстіями. Оказалось, что онъ книги, упакованныя въ двухъ чемоданахъ, оставилъ на храненіе на вокзалѣ и полученіе ихъ не представитъ никакихъ затрудненій.

Зря тратить время не было никакой надобности, и въ этотъ же день онъ уѣхалъ прямымъ путемъ въ Варшаву, а я отправился въ Краковъ.

Кѣлецкіе крестьяне-контрабандисты сразу сообразили, съ какого рода кладью имъ придется имѣть дѣло, и заломили огромную цѣну.

— Съ шелкомъ попадешься — взяткой отдѣлаешься, а тутъ, чего добраго, на казенную квартиру попадешься...

— Зачѣмъ же попадаться...

— Это ужъ, какъ Богъ... благочестиво возразилъ старшій изъ контрабандистовъ.

Мое желаніе сопровождать транспортъ имъ еще болѣе не понравилось.

— Тутъ надо умѣючи... Малѣйшая неосторожность — и себя влопаеи и насъ провалите.

Но я настаивалъ на своемъ. У насъ уже были случаи, что кладь, благополучно перевезенная черезъ границу, терялась уже по эту сторону границы только изъ-за трусости контрабандистовъ держать ее у себя въ избѣ до приѣзда за ней человѣка изъ Варшавы.

— А вы развѣ безпаспортныхъ черезъ границу никогда не переводили?... Они вѣдь тоже были неопытны...

— Такъ то безпаспортные...

— Не все ли равно?

Долго я бился съ ними по этому поводу, но получивъ за меня отдѣльную плату, они сдались.

Ночью на обыкновенномъ крестьянскомъ возу, наполненномъ соломой, въ которой утонули чемоданы съ книгами, мы выѣхали втроемъ изъ Кракова, направляясь къ пограничной станціи Шице, находящейся всего на разстояніи трехъ миль отъ Кракова... Контрабандисты набожно снимали шапки передъ каждымъ распятіемъ, часовенкой и иконой,

явно наблюдая, продѣлываю-ли и я то же самое. Я, конечно, многократно преобразился въ благочестиваго, набожнаго католика... Не доѣзжая границы, контрабандисты свернули съ дороги въ небольшую рощу, выпрягли лошадей, стащили съ воза чемоданы, обмотали ихъ веревками, попробовали, какъ ихъ примостить къ спинѣ, пожаловались на чрезмѣрную тяжесть, и затѣмъ спокойно усѣлись и начали закусывать.

Вскорѣ неподалеку раздался еле слышный, словно сдавленный, свистъ... Контрабандисты отвѣтили такимъ же свистомъ.

Ночь была темная... Я на разстояніи двухъ шаговъ не отличилъ бы человѣка отъ дерева... Контрабандисты же, какъ совы, видѣли все въ темнотѣ и, секунду спустя, поднялись съ мѣста и пошли навстрѣчу свистѣвшему...

— Все хорошо! Обѣздчики караулятъ возлѣ самой таможни... — сообщилъ пришедшій.

— Ну, съ Богомъ! — командовалъ старшій изъ контрабандистовъ.

Всѣ перекрестились... Кладь въ одинъ моментъ очутилась за спинахъ двухъ болѣе молодыхъ крестьянъ. Старшій открылъ шествіе, слѣдомъ за нимъ я, а затѣмъ два навьюченныхъ контрабандиста... Въ мягкомъ мху, словно въ бархатномъ коврѣ, тонулъ малѣйшій шорохъ. Подвигались мы впередъ довольно медленно, останавливаясь безъ движенія, словно застывая, при малѣйшемъ звукѣ... По временамъ издали доносился лай собакъ, бряцаніе сабель или ружей обѣздчиковъ. Мы пережидали, пока звуки стихнутъ, а затѣмъ беззвучно, какъ тѣни, подвигались дальше... Дорога становилась труднѣе... Лѣсъ рѣдѣлъ... Мохъ исчезъ... Подъ ногами появились неровныя кочки... Еще нѣсколько минутъ, и мы все такъ же беззвучно подошли къ рѣкѣ и, не останавливаясь, спустились въ нее... Было мелко... Вода до пояса... Но ея хлюпаніе могло насъ выдать... Контрабандисты, до тѣхъ поръ совершенно спокойные, явно волновались... Только старикъ, какъ фатумъ, шагаль впереди, равнодушный ко всему.

Вдругъ издали донеслось до насъ грозное:

— Стой! Кто идетъ?

Мы остановились, какъ вкопанные... Обѣздчикъ, по видимому, пришелъ къ заключенію, что ему что-то помешало, и, не слыша отвѣта, удалился...

Старикъ насторожившись слушалъ... Секунды казались часами... Минутъ пять спустя, мы двинулись дальше и начали карабкаться на берегъ. Это самый опасный моментъ! Обыкновенно пограничная стража, прослѣдивъ контрабандистовъ, на этомъ, уже русскомъ берегу рѣчки ихъ ловить. На этотъ разъ дѣло кончилось благополучно. Выбравшись на берегъ, мы быстро, чуть не бѣгомъ, прошли въ лѣсъ... Тамъ уже насъ дожидался какой-то крестьянинъ съ возомъ, и мы, мокрые, иззябшіе, покатали съ драгоцѣнной кладью по тряской лѣсной дорогѣ. Теперь мы уже были въ безопасности.

ГЛАВА VIII.

Окунувшись съ головой въ бурныя волны разнообразной партійной работы, одновременно и въ перемежку то работая въ типографіи, то набирая изданія, то ведя агитацію среди рабочихъ, то становясь контрабандистомъ, я, словно въ какомъ-то радостномъ снѣ, работалъ до изнеможенія, удовлетворенный, чуть ли не опьяненный счастьемъ. Работа шла успѣшно... Сонное царство, взбрызнутое живой революціонной водой, просыпалось, оживало.

И только отъ времени до времени въ это счастливое радостное настроеніе врывалось рѣзкимъ диссонансомъ извѣстіе объ арестѣ товарищей, падавшихъ жертвой провокаціи, не шпіонства, а именно провокаціи... Въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ появились первые ея ростки, взрощенные умѣлой рукой „отца русской провокаціи“ — того самаго Судейкина, въ убійствѣ котораго обвиняли несчастнаго Загурскаго.

Жертвой провокаціи палъ Генрихъ Дулемба, выданный провокаторомъ Мелле, Мечиславъ Маньковский и многіе другіе... Судейкинская система: „имѣть въ ихъ комитетѣ свой комитетъ!“ воплощалась въ жизнь.

Изъ Лодзи, Згериса, Бѣлостока мы получали систематическія извѣстія о единичныхъ провалахъ, явно не случайныхъ... Но это были только единичные провалы... Въ Варшавѣ дѣло обстояло хуже... Здѣсь систематически арестовывались лица, не принимавшія участія непосредственно въ партійной работѣ и дававшія лишь свои адреса для явокъ и писемъ. Сначала мы остановились на предположеніи, что это результатъ дѣятельности „черныхъ кабинетовъ“, перлюстраціи писемъ... Но нѣтъ!.. Мы знали, какъ, не вскрывая конверта, а лишь слегка отгибая края, перлюстраторы на продѣтый внутрь тонкій валикъ наворачиваютъ письмо и вытаскиваютъ его изъ конверта... И мы приняли свои мѣры... Пристегивали письмо тонкой проволокой къ конверту, а продѣтые черезъ конвертъ концы проволоки плотно пригибали и заклеивали почтовой маркой. Попытка накрутить на валикъ такимъ образомъ прикрѣпленное письмо неминуемо влечетъ за собой разорваніе и письма и конверта... Продолжая, по прежнему, получать письма ненарушенными, мы убѣдились въ томъ, что перлюстрація тутъ не при чемъ... Въ этомъ насъ убѣждало еще одно обстоятельство. Адреса и явки для Польши и для заграницы не вызывали ареста адресатовъ... Попадались лишь тѣ лица, которыхъ адресъ употреблялся для сношеній съ Россіей...

Было ясно, что именно тамъ, а не у насъ что-то неблагополучно. Сначала мы относились хладнокровно и терпимо къ этимъ проваламъ... Но, по мѣрѣ того, какъ аресты начали принимать характеръ систематическій, какъ проваливались одинъ за другимъ все новыя и новыя люди, иной разъ даже незнавшіе, для какой цѣли даютъ свой адресъ и часто подозревавшіе, что даютъ его для переписки... съ невѣстой, — началось броженіе.

Мы приставали къ Куницкому и Дембскому съ требованіями принять мѣры, даже съѣздить въ Россію, выяснить этотъ вопросъ и обезопасить организацію...

Но они не проявляли въ этомъ вопросѣ должной энергіи, отвѣчали вяло, неохотно...

Въ ихъ поведеніи было что-то для насъ совершенно непонятное...

Мы волновались все болѣе и болѣе и въ результатѣ добились только весьма таинственнаго заявленія.

— Не волнуйтесь! Вскорѣ все прекратится. Мѣры приняты, и вы узнаете обо всемъ.

И мы дѣйствительно узнали... Узнали о томъ, что въ самомъ центрѣ тогдашней русской организаціи, въ „Исполнительномъ Комитетѣ Народной Воли“ оказался провокаторъ — Сергѣй Дегаевъ — революціонеръ, перебросившійся на сторону правительства, ближайшій сотрудникъ Судейкина...

О Дегаевѣ уже столько писалось въ русской журналистикѣ, что было бы излишнимъ что-либо здѣсь еще прибавлять къ этому, и я касаюсь лишь Дегаевщины постольку, поскольку она отразилась на насъ въ Польшѣ.

Какъ извѣстно, уличенный въ измѣнѣ, раскаявшійся и принесяшій повинную Дегаевъ вынужденъ былъ согласиться оказать содѣйствіе партіи въ убійствѣ Судейкина.

За недѣлю до этого убійства, въ отсутствіе Куницкаго уѣхавшаго въ Россію, пріѣхалъ изъ Петербурга въ Варшаву и явился на квартиру Выгановскаго новый на Варшавскомъ горизонтѣ — по крайней мѣрѣ, за время моей принадлежности къ „Пролетаріату“ — человекъ, рѣзко своей наружностью и манерами отличавшійся отъ другихъ. Это былъ Оаддей Рехневскій — „Оскаръ Танскій“, какъ онъ тогда же отрекомендовался.

Бѣлобрысый, круглолицый, немножко сутулый, но сильный и мускулистый, онъ поражалъ своей интеллигент-

ностью, сдержанностью, нѣмецкой флегматичностью и нѣмецкой же систематичностью не только въ дѣлѣ, но даже и въ разговорѣ.

Моложе Куницкаго, Яновича и Дембскаго, онъ умѣлъ заставить себя слушать и считаться со своимъ мнѣніемъ.

Его лицо, всегда серьезное, въ исключительные моменты озарялось улыбкой, подчасъ даже лукавой, когда онъ самъ готовилъ или слышалъ, что кто-нибудь готовить какой-нибудь ловкій трюкъ.

И на этотъ разъ, послѣ продолжительнаго серьезнаго разговора, онъ съ лукавой улыбкой сообщилъ...

— Надо подготовиться... На дняхъ будетъ покушеніе на Судейкина... Я извѣщу васъ объ этомъ телеграммой... Вся суть будетъ въ подписи... Если будетъ удача, я подпишу телеграмму фамиліей, начинающейся съ буквы У, а если неудача — съ буквы Н...

Всѣ слушали съ напряженнымъ вниманіемъ...

— А вы наладьте типографію и прифть и, какъ только получите телеграмму, жарьте воззваніе съ извѣщеніемъ. Вотъ ловко будетъ, если намъ удастся раньше выпустить воззваніе, чѣмъ „Курьеръ Варшавскій“ успѣетъ сообщить объ этомъ событіи...

Его идея показалась всѣмъ блестящей, и мы твердо рѣшили не позволить „Курьеру“ предупредить насъ въ этомъ дѣлѣ...

Для Рехневскаго, убѣдившагося изъ нашего отношенія къ дѣлу, что все возможное будетъ сдѣлано, вопросъ былъ исчерпанъ. Онъ перешелъ, было, къ другимъ вопросамъ, но мы заставили его вернуться къ вопросу, такъ волновавшему насъ — о Судейкинѣ и Дегаевѣ... Онъ началъ рассказывать сухо, просто, безъ прикрасъ — и именно эта сухость и простота рассказа о томъ „мірѣ мерзости и запустенія“, по выраженію тогдашняго лидера „Нар. Воли“, Л. Тихомирова, сдѣлавшагося впоследствии ренегатомъ, помилованнаго и редактировавшаго цѣлый рядъ реакціонныхъ изданій, — производила потрясающее впечатлѣніе... Передъ нами развернулась картина именно мерзости... Мерзокъ былъ Судейкинъ, исключительно ради карьеры готовый предать на закланіе революціонерамъ и Плеве, въ то время директора департамента полиціи, и министр внутреннѣхъ дѣлъ Дмитрія Толстого, и составившій цѣлую „программу“ покушеній... Его завѣтной сначала мечтой былъ постъ министра полиціи. Но Плеве не давалъ ему ходу, и, поэтому, для достиженія цѣли онъ рѣшилъ при посредствѣ Дегаева организовать покушеніе на самого себя, съ тѣмъ условіемъ, чтобы его только слегка ранили въ ногу... Это покушеніе должно было, по его замыслу, быть предлогомъ для его выхода въ отставку. Не долговливавшій его Плеве не сталъ бы упрашивать его остаться на посту, и онъ, не возбуждая ни въ комъ подозрѣнія, могъ бы отстраниться отъ дѣлъ. Тогда Дегаевъ долженъ употребить всѣ средства къ тому, чтобы революціонеры организовали цѣлый рядъ покушеній, а прежде всего на Плеве и Толстого. Правительство, убѣдившись воочію, что, какъ только не стало Судейкина, возобновились террористическіе акты, несомнѣнно призоветъ его опять на службу и поневолѣ согласится на всѣ условія, какія онъ тогда поставитъ...

Мерзокъ былъ Дегаевъ, ради спасенія своей шкуры согласившійся играть подлую роль не только шпіона, но и провокатора, вовлекавшій людей въ кружки съ исключительной цѣлью предать ихъ въ руки полиціи, пойманный полиціей — выдававшій революціонеровъ, а уличенный революціонерами — безъ колебаній предавшій самого Судейкина...

Феликсъ Конь.

(Продолженіе въ слѣдующемъ номерѣ).

Оттуда, гдѣ...

На передовомъ перевязочномъ пунктѣ.

(Изъ записной книжки полкового врача).

— Идутъ!

Изо дня въ день мой вѣстовой безучастно бросалъ мнѣ это лаконическое предупрежденіе и выбѣгалъ навстрѣчу идущимъ...

Я поплелся за нимъ... Было душно, жарко... Куда ни взглянешь, сожженная солнцемъ степь...

А подъ этимъ палящимъ солнцемъ, по этой сожженной степи „они“ идутъ, какъ-бы чутьемъ угадывая, гдѣ наша землянка. Для обыкновеннаго смертнаго она почти незамѣтна... Маленькая возвышенность, покрытая одиночными высокими стеблями какой-то травы, отличной отъ окружающаго зеленовато-бураго покрова, а на ней маленький флажокъ съ краснымъ крестомъ... Издали этотъ „пріемный пунктъ“ совершенно сливается съ окружающей степью... А „они“ его безошибочно находятъ и прямо направляются къ нему своей вялой, „больной“ походкой. Я гляжу на нихъ издали и безошибочно опредѣляю, что это именно „они“... И свернутая шинель и какъ-то особенно болтающаяся за плечами винтовка, и равнодушный видъ, и утомленное, тупое выраженіе лица, и бросающаяся въ глаза усталость не оставляютъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что это именно „они“—„больные“, обычные ежедневные посѣтители нашей землянки...

Вчера приходили одни, сегодня—другіе, но всѣ они съ одинаково тупымъ и утомленнымъ выраженіемъ лица обрасываютъ съ себя мѣшки, винтовки и шинели, безъ словъ опускаются на землю и ждутъ моего приглашенія войти въ землянку...

— Больные?

— Такъ точно.

— Зайдите...

Вваливаются гурьбой, размѣщаются на нарахъ, расположенныхъ въ два ряда и раздѣленныхъ проходомъ, и внимательно осматриваютъ землянку. Обшитыя досками стѣны, крыша изъ сложенныхъ въ два ряда толстыхъ бревенъ, покрытыхъ толстымъ слоемъ земли, вызываютъ ихъ одобреніе.

— Хороша земляночка...

— Румынская... Нашъ братъ такой не сдѣлаетъ...

— Дудки! Шрапнелью ее не возьмешь...

— А снарядъ?—диссонансомъ врывается въ общій хоръ голосъ какого-то скептика... Публика недовольна...

— Тоже скажетъ!.. Снарядъ... Супротивъ снаряда...

Этотъ споръ былъ совершенно неожиданно прерванъ...

Фельдшеръ, готовя все къ пріему, накачалъ кувшинъ воды...

Въ моей землянкѣ былъ ручной насосъ, вдѣланный въ землю, „водопроводъ“, какъ мы его называли...

— Глянь-ка! Глянь-ка!—восторженно изумлялись больные и, сгорая отъ жажды, потянулись вереницей къ водѣ...

Опытный фельдшеръ записываетъ фамиліи пришедшихъ... Я приступаю къ осмотру.

Утирая рукавомъ мокрые еще отъ воды усы, солдатикъ переходитъ въ „пріемную“ и „перевязочную“—отгороженную часть землянки безъ наръ, и въ одинъ моментъ сбрасываетъ съ себя рубашку...

Я наклоняюсь къ нему, чтобы выслушать... Не тутъ-то было... Какой-то визгъ, жужжаніе, словно удары по чему-то металлическому...

— „Онъ“—прерываетъ воцарившееся молчаніе одинъ изъ солдатъ...

Непріятельскій аэропланъ...

Трескъ выстрѣловъ...

Не утерпѣть! Прерываю выслушиваніе и выбѣгаю изъ землянки... За мной гурьбой солдатики...

Прямо надъ землянкой—масса бѣлыхъ облачковъ: слѣды разорвавшихся шрапнелей, посланныхъ въ подарокъ „нѣмцу“.

Жужжаніе... Летятъ. Трескъ—разрывъ прямо надъ головой. Инстинктивно пятимся обратно въ землянку: будутъ падать осколки...

Стрѣльба прекращается.

Опять тихо.

Возвращаюсь къ прерванному выслушиванію.

— Въ лазаретъ!

Неуловимая торжествующая улыбка на лихорадочно возбужденномъ лицѣ; на мигъ открываются при радостномъ блескѣ 40 градусной температурой воспаленные глаза...

— Слѣдующій...

...Тревожно слѣдить за мной. Измученный смертельнымъ безпокойствомъ языкъ заплетается въ поискахъ словъ... У него болитъ и голова, и грудь, и ноги, все, все!... Сильный кашель... на позиціяхъ...

Но нѣтъ—нѣтъ повышенной температуры, нѣтъ ничего на ногахъ...

Надо выслушать... можетъ быть... но, нѣтъ!

Только усталъ!

Сильный грохотъ. Рр... разъ, рр... разъ, рр... разъ... Безъ конца.

Бросаю трубку.

Верстахъ въ 1½—2—клубы пыли.

Стрѣляетъ „нѣмецъ“. Наши батареи молчатъ.

Больные уходятъ, приходятъ раненные. Надо спѣшить съ перевязкой.

Съ потолка сыплется на открытыя раны земля, развороченная огромными, вѣчно посящимися надъ потолкомъ крысами... Мухи и всевозможныя букашки прилипаютъ къ израненному, кровоточащему тѣлу.

Скорѣй, скорѣй перевязать, и отправить дальше...

Осмотрѣны. Двигаются медленно: имъ „оказано пособіе“. Куда спѣшить? Они пришли оттуда, гдѣ сейчасъ стоитъ грохотъ...

Имъ навстрѣчу медленно подѣзжаетъ двуколка. Солдаты снимаютъ шапки и крестятся.

— Убитый!

Что-то щемитъ, гдѣ-то больно. Въ головѣ проносится вихрь вопросовъ, проносится и замираетъ... безъ отвѣта...

Подхожу къ двуколкѣ: на носилкахъ, лежитъ недвижимо, на головѣ повязка, закрывающая лицо.

Приподымаю немного голову—на губахъ запекшаяся кровь... Вглядываюсь—и узнаю одного изъ вчерашнихъ своихъ пациентовъ...

— На томъ перевязочномъ, когда прибылъ, еще дышалъ,—докладываетъ санитаръ...

За спиной чувствую безумно-тревожные, нѣмымъ укоромъ наполненные взгляды еще не осмотрѣнныхъ больныхъ: „отъ тебя зависитъ, чтобъ изъ насъ кто-нибудь сегодня-завтра не превратился въ кусокъ холоднаго мяса“...

Не могу!...

Невозмутимое яркое солнце попрежнему посылаетъ свои улыбающіеся, ласкающіе лучи; чистое, голубое небо сверкаетъ, какъ прекрасное, высокое, свѣтлое чело философа, маня къ жизни, обѣщая счастье и радости бытія...

Увелили убитаго, уѣхали и ушли больные. Съ тихой покорностью поплелся обратно получившіе „пособіе“.

Снова тихо... Ни вѣтерка...

И опять глухо падаютъ снаряды, и опять падаютъ жертвы...

В. Миръ.

Знамя смерти.

Война разлагает общество. Затяжная война становится источником глубокого социального брожения, вздымающего, как муть со дна, злые страсти и вечно дремлющую в человеке первобытную жестокость.

Война—оргия убийств и разрушения, волнует народную стихию и, разоряя массы, будит в них слепое, яростное возмущение против богатых, против жестоких владык жизни. Длительная война перерождается в социальный бунт, когда вооруженные люди в армии „разлагаются“, теряют общественные связи и превращаются в дику вольницу.

Россия до сих пор пламенит в гражданской войне, до сих пор знамя смерти вѣет надъ нею, и иллюстрации къ дантовскому Инферно каждый день скользят по страницам газетъ.

Но искусство в тревогах и смущении отступает передъ завѣсой исполинского мрака, закрывшаго собою лицо уравнилѣнно-мѣщанской жизни, боится отдернуть его и отважно увидѣть дьявольскія маски, мечущіяся в багровомъ дыму, в ярости истребления и жестокости.

Искусство болѣзненно, но по своему: оно отравлено опіумомъ жажды забвения, жажды искусственного покоя, когда вокругъ воютъ фанфары смерти, побѣдно идущей по странѣ со знаменемъ, багровымъ, какъ тряпка, вымоченная в крови гнойныхъ ранъ человѣчества.

Говорятъ, что это—законъ искусства. Оно имѣетъ право создавать „искусственные раи“ и отвращать взоръ отъ темныхъ безднъ жизни.

Это не такъ. Германия, переживая тридцатилѣтнюю войну и хаосъ социального разложения, знаетъ художниковъ, выросшихъ со своимъ болѣзненно-сложнымъ искусствомъ на почвѣ, кроваво взрыхленной войной и мятежомъ.

Когда голодные, оборванные, истощенные, озлобленные жеманники-солдаты ворвались в Магдебургъ, сожгли, разграбили, уничтожили его, когда население цѣлаго города было безжалостно вырѣзано и задушено в дыму подваловъ,—это была социальная—бурная, пьяная, месть богатой буржуазіи.

Французскій художникъ Жакъ Калло прошелъ съ наемными шайками по окровавленной Германіи, и на страницы своего альбома занесъ графическіе рисунки, такіе необычайные и правдивые, такіе жуткіе и засасывающіе вниманіе, какъ будто его учителемъ былъ самъ дьяволъ.

Дьяволу вѣрили больше, чѣмъ богу, в дни изступленныхъ празднествъ смерти. Магическое суевѣріе пышно возросло на измученныхъ нервахъ вѣру в таинственные силы. Калло, вдохновляемый смертью, напутствуемый дьяволомъ, сталъ мрачнымъ художникомъ войны и социального разрушения.

Неотразимая прелесть его изящныхъ и страшныхъ рисунковъ, изысканная детализація графического закрѣпленія жизни, странное смѣшеніе реального и фантастическаго, до сихъ поръ непревзойдены мастерами художественной техники.

Несравненный художникъ! Его эстетическій демонизмъ былъ признакомъ необычайной дальнзоркости, обостренной душевной чуткости и, вмѣстѣ съ тѣмъ, какой-то затаенной умственной болѣзни: порочной любви къ мучительнымъ эффектамъ, пристрастія къ боли и страху, декадентскаго восторга передъ смертью.

Громадное дерево в равнинѣ. Какъ пышныя грозды на вѣтвяхъ, тѣла повѣшенныхъ. Двадцать два трупа корчатся и коченѣютъ, связанные, затянутые тугими петлями. И новыя вереницы плѣнниковъ идутъ, поднимаются по лѣстницѣ къ своей воздушной гробницѣ. Попы в капю-

шонахъ кощунственно привѣтствуютъ смерть распятіями. Пышные воины в перьяхъ на шляпахъ, съ высокими алебардами в траурномъ величественномъ кортежѣ провожаютъ истерзанныхъ людей къ висѣлицѣ.

Или, все в такомъ же изящно-холодномъ тонкомъ рисункѣ, Калло ведетъ зрителя къ широкой лагерной площади. Со всѣхъ сторонъ желѣзный узоръ алебардъ замыкаетъ вереницы казнимыхъ...

Столбъ. Топоръ. Крестъ. Тѣла, скрученные веревками, корчатся в лужахъ крови. Великолѣпные величественные солдаты съ громадными ружьями в рукахъ окутаны дымомъ непрерывной пальбы. Жалкія тѣла падаютъ передъ ними в пыль равнины. Мстительная расправа пятнитъ площадь краснымъ узоромъ.

Раскрывая пожелтѣвшія страницы нѣмецкихъ сатириковъ 17-го вѣка, чувствуешь себя невольно потрясеннымъ в этомъ сумрачномъ мѣрѣ звѣриной, безцѣльной жестокости.

Месть богатымъ, социальная расправа одичавшихъ низовъ съ богачами, истребленіе буржуазіи проходятъ в сатирахъ, изображаемыхъ тяжелыми медленными словами, неуклюжими образами, украшенными такимъ натурализмомъ выраженій, какого не могла бы вынести современная литература.

Съ этими шайками бандитовъ, образовавшимися изъ разложившейся, распавшейся арміи, Калло прошелъ по разоренной странѣ, фиксируя дикіе ужасы своимъ пристальнымъ взглядомъ.

Ночь. Двери, ведущія в огромный залъ буржуазнаго дома, взломаны вооруженными бродягами. Крича и стрѣляя, разбѣгаются люди, ломая мебель, убивая животныхъ и обитателей, хватая цѣнности, готовя вино и припасы для ужина послѣ разгрома.

Выламываютъ днища винныхъ бочекъ, и красная влага течетъ вмѣстѣ съ кровью среди тѣлъ, распластанныхъ на полу. Возлѣ очага наскоро устроены орудія пытки. Хозяинъ дома, подвязанный за ноги надъ огнемъ, корчится в дыму съ почеркѣвшимъ, опаленнымъ лицомъ. Другого, связаннаго человѣка держатъ за горло, засунувъ его голыя ноги в огонь. И тутъ же ловятъ за волосы женщину, насилуютъ ихъ подъ широкимъ буржуазнымъ альковомъ.

Подъ рисункомъ,—какъ будто неясна его злобѣщая изобразительность!—Калло подписываетъ старинными французскими стихами свои ироническія наблюденія: „Вотъ передъ Вами великолѣпныя творенія человѣческаго сердца. Они захватываютъ все. Ничто не вырвется изъ ихъ цѣпкихъ рукъ. Одинъ, чтобы добыть золото, изобрѣтаетъ мученія. Другой поощряетъ соучастниковъ своихъ злодѣяній на тысячи новыхъ преступленій. И всѣ вмѣстѣ в безукоризненномъ согласіи воруютъ, грабятъ, убиваютъ и насилуютъ“.

Трагическій геній Калло научилъ его строить рисунки по системѣ контрастовъ: преступленіе и наказаніе, жестокость разнузданныхъ грабителей и жестокость разнузданныхъ мстителей, кровь жертвъ и кровь палачей, месть и возмездіе.

Церковь в огнѣ. Каменные святые рушатся съ крыши. Фуры завалены добромъ. Наряженный в епитрахиль грабитель пляшетъ среди труповъ и развалинъ. Другіе увозятъ на коняхъ цѣнную добычу—монахинь изъ разореннаго монастыря. Толпа звѣрски пытается священника и топчетъ сапогами кресты и свѣтильники.

Внезапный порывъ художественнаго воображенія Калло сразу мѣняетъ сцену. Снова стройные ряды ошетилившихся копьями солдатъ. Церковь еще пылаетъ, но рядомъ съ нею пылаетъ зажженный отъ ея огня костеръ, и на немъ обугливаются тѣла грабителей. Сгорбленные отъ ужаса, вѣ-

лохмотьяхъ, израненные, ползутъ къ столбу гонимые копьями разбойники и падаютъ въ дымъ и угаръ...

Трудно сказать, который рисунокъ ужаснѣй. Что хуже: пьяное кощунственное неистовство одичавшей банды или размѣренно-спокойная жестокость палачей?

Большія дороги, на которыхъ разбойники грабятъ проѣзжихъ, поля битвъ, пылающія деревни, лагерное буйство, — все это видѣлъ Калло и занесъ на бумагу, сопровождая холодными изреченіями о перемѣнномъ торжествѣ законовъ человѣчества и законовъ неба.

Искусство нѣмецкаго Возрожденія и его позднихъ отголосковъ 17-го вѣка любило сочетать реализмъ съ демонизмомъ, художественную правду съ дикимъ вымысломъ, изящество реальности съ нестройной фантастикой больного беспорядочнаго бреда.

Официально вѣря въ бога, эти художники больше любили дьявола. Онъ былъ ихъ мрачнымъ героемъ. Художественная тема искушенія Св. Антонія обычно прикрывала собой безнаказанную извращенность дикаго сочетанія религіозности, эротизма, жестокости и демонизма.

Утомленный созерцаніемъ дѣйствительности, Калло задумалъ и выполнилъ свою грандіозную композицію искушенія Св. Антонія, въ немъ далъ свой страшный образъ міра, самое странное произведеніе человѣческаго искусства.

Современные художники — слабыя неискusstvenныя дѣти, въ сравненіи съ гениемъ Жака Калло. Отчужденность отъ социальной жизни мститъ имъ въ скудной изобразительности ихъ картинъ. Фантазія, бѣгущая отъ реальности, бѣднѣетъ и истощается. Калло, подъ знаменемъ смерти обошедшій потрясенную войной и социальнымъ кризисомъ Германію, создалъ эпоху въ реалистической технике рисунка, но дополнилъ ее вымысломъ, не имѣющимъ предѣла въ своей сложности и богатствѣ.

Онъ пренебрегалъ краской и любилъ только линію. Графика, вообще, — самое благородное искусство. Великія эстетическія достиженія были даны въ реформѣ художественныхъ линій, но не въ краскахъ.

Современное искусство стало богатымъ только съ тѣхъ поръ, какъ японцы научили его прелести недоконченныхъ линій, научили рисунку, уходящему въ неопредѣленность, передающему душу жизни случайными, но изысканно-тонкими штрихами.

Роспъ, Гейне, Клингеръ и Бёрдсли дали современности не сравненно больше, чѣмъ всѣ мастера красокъ. Но даже ихъ умѣніе владѣть линіей и чертить ею фантастическіе узоры блѣднѣетъ передъ стихійнымъ потокомъ вымысловъ Калло.

Его искушеніе Св. Антонія, — словно цѣлый міръ, требующій длительного изученія. Сложная композиція, подчиненная рамкамъ скалъ, нависшихъ надъ развалинами церкви и гротомъ отшельника, увѣнчивается чудовищнымъ дьяволомъ, какъ аэропланъ, парящимъ въ воздухѣ.

Прикованный цѣпью къ каменному своду неба, безсильный вонзить клыки въ сердце святого, онъ изъ своей пасти, канонъ которой былъ установленъ еще Альбрехтомъ Дюреромъ, выбрасываетъ цѣлыя тучи уродливыхъ демоновъ.

Разсыпаясь въ воздухѣ, цѣпляясь на скалахъ, ползая по землѣ, демоны кидаются на святого, штурмуютъ его боевыми колоннами, огнями и мечами.

Вокругъ этого центра разсѣяно множество художественныхъ эпизодовъ, наполняя рисунокъ до безконечной глубины. Ни одинъ демонъ не похожъ на другого, а Калло набросалъ на своемъ рисункѣ около трехсотъ дикихъ, циничныхъ, подвижныхъ злыхъ образовъ.

Чудовище — живая пушка на бронированныхъ лапахъ, вытаращивъ глаза, стрѣляетъ изъ своей мѣдной пасти пучкомъ алебардъ въ Антонія. Надъ нимъ большой демонъ, скор-

ченный въ безобразной позѣ, бросаетъ на его голову, какъ зловонную кучу экскрементовъ, грязную стаю дьяволовъ.

Торжественный кортежъ уродовъ съ гребнями на головахъ сопровождаетъ костякъ чудовища, запряженный звѣрями-демонами, похожими на верблюдовъ. Притаившись въ углу, крылатый дьяволъ въ очкахъ на свиной мордѣ и съ крыльями летучей мыши наводитъ на святого ружье.

Безчисленные демоны играютъ, вѣшаютъ другъ-друга, обнимаютъ въ воздухѣ женщинъ, грызутъ кактусы, смѣются и судорожно трепещутъ, бьются крыльями, клешнями, клювами, рогами.

Святой не побѣдитъ: онъ уже уничтоженъ, заплеванъ, истерзанъ, раздавленъ...

Дьяволъ правитъ міромъ! Подъ прикрытіемъ религіознаго сюжета, Калло развернулъ безстыдную, шумную оргію побѣдоноснаго ликованія демоновъ.

Но странное впечатлѣніе: изъ-за фантастическихъ образовъ демоновъ, изъ-за ихъ убранства и странныхъ нарядовъ, изъ-за гримасъ, перекосившихъ уродливыя морды, неясно, смутно и неотразимо-упорно проступаютъ уже знакомыя лица, уже отмѣченные на другихъ рисункахъ Калло человѣческіе образы.

Вѣдь онъ, въ концѣ концовъ, ничего другого не думалъ дать въ этомъ огромномъ и сложномъ фантазмѣ, какъ все ту же реальность войны и социального броженія.

Разбойники и воины, палачи, священники, буржуа, крестьяне, — всѣ они сошлись на эту картину праздновать крушеніе Германіи.

Калло отомстилъ разрушителямъ жизни, собравъ ихъ на страшный судъ своего художественнаго издѣвательства надъ человѣческимъ міромъ. Какимъ злымъ смѣхомъ перекошено лицо этого безумнаго художника! Графическое искусство превращается въ сатиру. Рисунокъ сталъ насмѣшкой, но злой, больно вонзающей зубы въ сердца и души людей.

Послѣ искушенія Св. Антонія реалистическіе рисунки Калло кажутся освѣщенными какимъ-то страшнымъ свѣтомъ. Заключительный рисунокъ его серии „Les misères et les malheurs de la guerre“ даетъ эпилогъ войны.

Площадь большого города покрыта людьми. Но какіе это люди? Калѣки, нищие, изуродованные, съ отрѣзанными ногами, съ обрубленными руками, искалѣченные, согнутые, на костыляхъ, на деревяшкахъ ползутъ въ страшной процессіи къ невѣдомой цѣли. Съ ними женщины — такія же чудовища въ лохмотьяхъ, лишеныя человѣческаго образа. Не отчаяніе, не скорбь, а дьявольская злость на лицахъ людей. Двое нищихъ-калѣкъ дерутся костылями, падая и цѣпляясь другъ за друга. Другіе облѣпили прохожихъ, не то вымаливая милостыню, не то собираясь задушить и ограбить ихъ.

Смерть подъ свое знамя собрала жертвы войны и ведетъ ихъ въ дикомъ, ликующемъ хороводѣ, какъ зловѣщіе живые символы мірового беспорядка и бессмысленнаго хаоса общественной жизни.

Гравюры Калло помѣчены 1633 годомъ въ своемъ парижскомъ изданіи, но три вѣка прошли надъ Европой безслѣдно и снова вернули ее къ тому исходному пункту, отъ котораго Жакъ Калло началъ свой эстетическій путь. Люди одѣты иначе и новыми орудіями насилія и пытокъ истребляютъ другъ-друга. Полузабытый, вызывавшій невольное чувство отвращенія, этотъ художникъ снова становится близкимъ и понятнымъ.

„Несчастья и бѣдствія войны“ въ искусствѣ и въ жизни снова возвращаются, и ни одно преступленіе, зарисованное Калло, не миновало нашей современности. Все это было, было, и снова повторяется...

Валентинъ Рожицынъ.

Россія въ охранномъ отдѣленіи.

СПРАВКА. ЛУНАЧАРСКИЙ, Анатолий Васильевъ (Партійныя клички: „Галерка“ и „Воиновъ“), сынъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, родился въ 1875 году, православный, русскій подданный, литераторъ. Въ 1899 г. Луначарскій былъ привлеченъ въ качествѣ обвиняемаго по 318 ст. Улож. о Наказ. къ производившемуся при Московскомъ Губернскомъ Жандармскомъ Управленіи дознанію о противоправительственной пропагандѣ среди рабочихъ. Дѣло это разрѣшено высочайшимъ повелѣніемъ 15 мая 1902 г., въ силу коего Луначарскій былъ высланъ подъ гласный надзоръ полиціи въ Вятскую губ. на 2 года. Въ 1900 году Луначарскій привлекался при Киевскомъ Губернскомъ Жандармскомъ Управленіи къ формальному дознанію о распространеніи прокламацій по г. Киеву, каковое дѣло по состоявшемуся въ апрѣлѣ 1902 г. соглашенію министра юстиціи съ министромъ внутреннихъ дѣлъ дальнѣйшимъ производствомъ прекращено. Въ 1904 г. Луначарскій, проживая въ г. Киевѣ, состоялъ членомъ мѣстнаго комитета Р. С.-Д. Р. П. Въ 1906 г. Луначарскій привлекался въ качествѣ обвиняемаго по 126 ст. Угол. Улож. къ возбужденному при С.-Петербургскомъ Губернскомъ Жандармскомъ Управленіи формальному дознанію о сходкѣ, бывшей 31-го декабря 1905 г. въ школѣ императорскаго техническаго общества. Это дѣло постановленіемъ С.-Петербургскаго Губернскаго совѣщанія отъ 15 мая 1906 года было прекращено. Въ началѣ января 1907 г. Луначарскій пріѣхалъ въ Берлинъ, гдѣ читалъ членамъ русской колоніи рефератъ противоправительственнаго содержания. Въ іюлѣ того же года Луначарскій въ качествѣ делегата отъ уральскихъ организацій присутствовалъ на всероссійской конференціи Р. С.-Д. Р. П. въ Выборгѣ. Осенью того же года Луначарскій участвовалъ, въ числѣ русскихъ

39 социаль-демократовъ, на VII-мъ международномъ конгрессѣ социалистическихъ партій въ Шуттгартѣ. Затѣмъ Луначарскій входитъ въ составъ редакціи органа фракціи большевиковъ Р. С.-Д. Р. П. „Пролетарій“ и состоялъ въ 1909 г. членомъ совѣта основанной Максимомъ Горькимъ на о. Капри школы пропагандистовъ. Примѣты: ростъ 2 арш. 2/8 вершка, слабого тѣлосложенія, болѣзненнаго вида, волосы на головѣ, бровяхъ, усахъ и бородѣ свѣтлорусые, глаза каріе, близорукъ, носитъ пенсне.

СПРАВКА. РАДОМЫСЛЬСКИЙ, онъ же Шацкій, онъ же **ЗИНОВЬЕВЪ**, (кличка „Григорьевъ“) Овсей-Гершонъ Ароновъ. Новомиргородскій мѣщанинъ. Родился въ 1883 г. Въ 1907 г. принималъ участіе въ Лондонскомъ съѣздѣ Р. С.-Д. Р. П. 30-го марта 1908 года Радомысльскій былъ обысканъ и арестованъ, а въ маѣ того же года привлеченъ при С.-Петербургскомъ Губернскомъ Жандармскомъ Управленіи къ дознанію въ качествѣ обвиняемаго по дѣлу типографіи „Работникъ“. Поэтому дѣлу сначала содержался подъ стражей въ С.-Петербургской одиночной тюрьмѣ, а затѣмъ былъ отданъ подъ особый надзоръ полиціи въ г. Елисаветградѣ. Въ іюлѣ 1908 г. Радомысльскому воспрещено жительство въ С.-Петербургѣ впредь до особаго распоряженія въ порядкѣ п. 4 ст. 16 Положенія о мѣрахъ государственной охраны. Въ сентябрѣ того же года Радомысльскій выбылъ за границу. Въ августѣ 1908 г. участвовалъ въ Пленарныхъ засѣданіяхъ Центральнаго Комитета Р. С.-Д. Р. П., происходившихъ въ Женевѣ, а также на общерусской конференціи упомянутой партіи, происходившей въ Парижѣ съ 3-го по 9-ое января 1909 г. Затѣмъ Радомысльскій входитъ въ составъ Редакціи центральнаго органа партіи „Соціаль-Демократъ“. Примѣты: низкаго роста, толстый, шатень, малые ушки.

Теральдическій звѣрь.

Я обожаю отечество. Это меня спасаетъ при всѣхъ режимахъ. Во время государственныхъ переворотовъ я чувствую себя въ безопасности, какъ ворона во время землетрясенія.

Отечество! Волшебное слово... Но его надо произносить умѣло. Когда я имѣю дѣло съ большевиками, я начинаю громко и безостановочно выкрикивать: „Да здравствуетъ социалистическое отечество! Да здравствуетъ всемірный центральный исполнительный комитетъ международнаго совѣта рабочихъ, солдатскихъ, казацкихъ, батрацкихъ, гайдамацкихъ, матросскихъ и крестьянскихъ депутатовъ! Долой всѣ имперіализмы!“

Попадая въ какую-нибудь руссійскую страну, гдѣ правятъ кадетскіе министры, я со слезами въ голосъ шепчу: „Да здравствуетъ отечество! Дорогое, несчастное, истерзанное, оплеванное, поруганное, растоптанное, униженное, осмѣянное... Да здравствуютъ наши дорогіе союзники!“

Кадеты умиляются и принимаютъ меня за своего друга. Но и съ кадетами надо обращаться съ осторожностью. Я замѣтилъ, что на нихъ поразительно дѣйствуетъ перемѣна климата. На Сѣверѣ у кадета отечество — Россія, союзники — Англія и Франція, и больше всего въ мірѣ онъ любитъ демократію. Если же кадетъ попадаетъ на Югъ и тамъ его кто-нибудь дѣлаетъ министромъ, онъ начинаетъ ненавидѣть Россію и любитъ только одно отечество — Украину. Дорогими союзниками становятся Германія и Австрія, а упоминаніе о демократіи вызываетъ у него легкое головокруженіе и тошноту.

Однако, въ моей жизни былъ одинъ странный случай, когда даже отечество не помогло. Недавно я совершилъ небольшую общеобразовательную экскурсію въ Москву. Кремль, святыни всякія, древности... Правда, чудотворныя иконы раскрадены, но онѣ замѣнены чудотворными комиссарами.

Есть въ Москвѣ три рѣдкихъ предмета: царь-пушка, которая не стрѣляетъ; царь-колоколъ, который не звонитъ, и царь-Николай, который не царствуетъ. Теперь прибавилась четвертая рѣдкость: власть совѣтовъ, которая не властвуетъ...

Насмотрѣлся я на все и къ вечеру проголодался. Въ Москвѣ коммунизмъ гуманитарный, а не желудочный. Поэтому съ ѣдой туга. По выраженію одного французскаго короля, легче получить въ животъ штыкъ, чѣмъ кусочекъ хлѣба.

Наконецъ, мнѣ повезло: нашелся такой конспиративный подпольный ресторанъ, гдѣ за 10—15 керенокъ всегда можно получить недурной кошачій бифштексъ. За столомъ сидѣла небольшая, но разнообразная и шумная компанія. Я вѣжливо поздоровался. Рослый матросъ поднялся мнѣ навстрѣчу, звякнувъ шпорами, и заявилъ:

— Очень радъ познакомиться. Позвольте представиться. Верховный гловнокомандующій всѣхъ южныхъ фронтовъ. Кстати, разрѣшите вамъ отрекомендовать остальныхъ дѣйствующихъ лицъ нашего скромнаго ужина. Тутъ случайно собралась, такъ сказать, коллекція разныхъ режимовъ, примиренныхъ всеобщимъ сверженіемъ. Вотъ передъ вами верховный комиссаръ Донской республики. Атамана Донской державы еще нѣтъ, но, надѣмся, скоро присоединится. Рядомъ — министръ внутреннихъ дѣлъ временнаго правительства, котораго по счету, — не помню. А это — его коллега: министръ внутреннихъ дѣлъ, но раскаявшійся и пока безработный, представитель бывшаго императорскаго режима. Мы его за анекдоты любимъ, — шепнулъ матросъ мнѣ на ухо. Остальные — ерунда. Такъ, все верховные комиссары разныхъ республикъ, и даже пара приبلудившихся великихъ князей.

Я сразу почувствовалъ себя плохо въ этой подозрительной компаніи. Такой подборъ высокопоставленныхъ лицъ встрѣчается не каждый день. Случилось мнѣ однажды, уже давно, побывать въ Центральной Африкѣ на людоедскомъ пиру двадцати пяти негритянскихъ королей. Но что такое африканскій царекъ въ сравненіи съ русскимъ комиссаромъ или министромъ? — Блоха! Травоядное насѣкомое!..

Тѣмъ не менѣе, я притворился очень заинтересованнымъ ихъ обществомъ и любезно освѣдомился, по какому случаю шумъ?

— Дѣло клевое, — сообщилъ мнѣ верховный комиссаръ Донской республики, рыжій дѣтина съ серьгой въ лѣвомъ ухѣ. Вотъ, тутъ телеграмма. Сообщается, что на Дону у насъ такъ: во первыхъ, держава. Разъ... Во вторыхъ, атаманъ. Два... Въ третьихъ, гербъ и, въ четвертыхъ, гимнъ. Такъ какъ мы люди государственные, въ свое время съ буржуа по три шкуры спускали, то сохранили большое пристрастіе къ этому дѣлу, и немного заспорили...

Императорскій министръ скромно вмѣшался.

— Видите ли, наука государственнаго управленія предъявляетъ къ намъ все больше и больше требованій въ государственной практикѣ. Въ бытность свою министромъ,

я прекрасно изображалъ влюбленную пантеру, рассказывалъ еврейскіе анекдоты, игралъ въ чехарду съ товарищами по кабинету и считался очень образованнымъ правителемъ. Теперь требованія повысились. Система управленія осложнилась, и мы даже въ названіяхъ ничего не понимаемъ. Что такое держава? Ни республика, ни власть совѣтовъ, ни монархія. Что такое атаманъ? Ни царь, ни президентъ, ни комиссаръ, ни губернаторъ, ни премьеръ, ни чортъ его знаетъ что такое! Потомъ — гимнъ. Въ наше время ясно было: „Боже, царя храни...“ У большевиковъ тоже большая простота въ выраженіяхъ: „Отречемся...“ Коротко и выразительно. А тутъ? — „Всколыхнулся и что-то такое еще сдѣлалъ нашъ тихій Донъ...“ Въ Кіевѣ тоже нѣчто похожее: „Реветь да стонетъ...“ (Вы думаете — народъ? Нѣтъ, то само собой...) — Дѣйпръ широкій. Что за водянистые рѣчные гимны пошли... Но удивительнѣе всего государственный гербъ!

Министръ пріостановился, передохнулъ, поглядѣлъ на своихъ друзей, задумчиво перебаривавшихъ кошачьи бифштексы, и прочелъ по газетѣ: „Гербъ Донской державы: голый казакъ въ полной амуниціи, съ ружьемъ въ рукахъ, верхомъ на бочкѣ“. Вы понимаете? Если опечатка, такъ слишкомъ много. Весь гербъ изъ опечатокъ? Извините, не вѣрю... Если неправда, то, вы думаете, цензура наша, то есть, виновата, ихняя, — онъ укоризненно взглянулъ на матроса, — развѣ она пропуститъ? Какая-то аллегорія непонятная...

Министръ пощелкалъ пальцемъ по газетѣ и задумался.

— Вотъ бы намъ для Совѣтской республики какой-нибудь гербъ, — мечтательно протянулъ маленькій взъерошенный комиссаръ изъ Цикуки. Чуть не цѣлый мѣсяцъ были правительствомъ съ манифестами, съ пулеметами, съ декретами, съ революціонной совѣстью, а про гербъ не подумали. Можетъ быть, въ этомъ какъ разъ секретъ успѣха?..

— А въ самомъ дѣлѣ, — подхватили другіе. Какой гербъ подходилъ бы ко „всей власти совѣтамъ“?

— Голый матросъ верхомъ на бочкѣ, — началъ, было, кто-то, но его перебили.

— Неоригинально! Во всемъ подражаніе старому режиму. Надоѣло. Что-нибудь свѣжее...

— Или такъ. Красногвардеецъ сидитъ на штыкѣ и держитъ въ рукахъ отрѣзанную голову буржуя. У обоихъ зубы оскаленные.

— Почему же на штыкѣ? Неудобно.

— Мало ли что! Аллегорія. Въ Россіи всѣ правительства на штыкахъ сидятъ.

— Надо что-нибудь красное...

— Это тоже можно. Гербъ на фонѣ пожара.

— А вотъ еще вопросъ. Безъ геральдическаго звѣря невозможно обойтись. Ну, скажемъ, великобританскій левъ или германскій орелъ или единорогъ какой-нибудь баварскій.

Министръ задумался.

— Не станемъ же мы подражать имперіалистическимъ аллегоріямъ. Надо свое, родное. Напримѣръ... Ага, вотъ идея! Мы сбоку, вонъ красногвардейца помѣстимъ портретъ Ленина.

— Геніально! — подхватили собесѣдники. Два пулемета накрестъ, посрединѣ Ленинъ. Голова буржуя. Пожаръ. Замѣчательно стильно!

— Товарищи, — вмѣшался я въ разговоръ. А какъ быть съ Кіевомъ? Тоже одна изъ столицъ нашего обожаемаго... (Я немного замаялся и въ первый разъ почувствовалъ, что одного отечества слишкомъ мало для человѣка, живущаго въ Россіи) ну да, вообще, нашей державы... (Тутъ я опять впервые почувствовалъ всю прелесть этого гибкаго, нѣжнаго слова: ни къ чему не обязываетъ, ничего не выражаетъ, но удивительно звучно!) Тамъ до сихъ поръ нѣтъ государственнаго герба. Можетъ быть, дадите совѣтъ?

— Передѣлайте донской гербъ, — предложили мнѣ. Только вмѣсто казака посадите кого-нибудь въ сѣро-зеленой амуниціи.

— Неоригинально, — передразнилъ я. Подраженіе старому режиму.

Министръ опять выручилъ.

— Геральдическій звѣрь здѣсь необходимъ. Вмѣсто главы правительства помѣстимъ чернаго одноглаваго орла. Знаете, такой растрепанный и съ высунутымъ языкомъ, какъ въ нѣкоторыхъ центральныхъ державахъ. Бочка пускай остается. Штыкъ тоже. Пожарный фонъ не мѣшаетъ. Только его надо сдѣлать не краснымъ, а такимъ, чортъ возьми, темно-багровымъ, съ жутью...

Постепенно мы воодушевились. Предложенія вносились одно за другимъ. Мы не замѣтили, какъ пропѣли послѣдніе недорѣзанные пѣтухи, прекратилась ночная стрѣльба и началась утренняя. Воображеніе начертило намъ не менѣе полутора государственнѣе гербовъ большихъ и маленькихъ русскіихъ державъ. Изъ портретовъ державныхъ лицъ и геральдическихъ звѣрей образовался цѣлый звѣринецъ.

Вдругъ я вспомнилъ.

— Товарищи! А русскій гербъ? Про Россію-то и забыли! Давайте придумывать.

— Поздно, проворчалъ матросъ, усталый, заспанный и всклокоченный. Тоже, Россія... Это тебѣ ни республика, ни монархія, ни федерація, ни держава, ни имперія, ни соединенные штаты, ни совѣтская власть, ни чортъ его знаетъ, что такое.

Я настаивалъ.

— Товарищи! Ей-богу, давайте всѣ гербы соединимъ, а сверху посадимъ еще одного геральдическаго звѣря. Ни царя, ни комиссара, ни гетмана, ни президента, ни атамана, а...

— ...а все это сразу вмѣстѣ, въ одномъ лицѣ, — радостно подхватилъ императорскій министръ. У насъ тоже такъ было. „Мы, божьей милостью, императоръ всероссійскій, великій князь финляндскій, царь польскій, ханъ казанскій, и прочая и прочая и прочая“ и такъ далѣе до безконечности. А въ результатѣ, вы думаете, много народу? — одинъ царь, да и то — Николай.

— Великолѣпно! Давайте и мы объединять. Князь финляндскій, два губернатора польскихъ, атаманъ донской, верховный комиссаръ московскій, президентъ сибирскій, султанъ крымскій, гетманъ малороссійскій, предсѣдатель коммуны петербургской, комендантъ луганскій, коморный одесскій, староста харьковскій, ханъ казанскій, комиссаръ астраханскій, сфатуль-церій бессарабскій, комиссародержецъ великороссійскій, градоначальникъ заднѣпровскій, цикука полтавская, герцогъ эстляндскій, сердаръ бакинскій, король литовскій, паша батумскій, центрофлотъ кронштадтскій, предсѣдатель сейма закавказскій и прочая и прочая и прочая.

— Превосходно! Универсально! А все-таки, чего-то не хватаетъ...

— Не хватаетъ? Тамъ, вы думаете, былъ императоръ всероссійскій, а здѣсь — пустое мѣсто? — Министръ хитро подмигнулъ и похлопалъ меня по плечу. Наивный вы человѣкъ. Уже безъ васъ все сдѣлано.

— Не понимаю, — удивился я. Вы на что намекаете?

— Ничего не намекаю. А скажите, пожалуйста, кто въ Пруссіи король? Знаете?

— Знаю...

— А скажите, пожалуйста, кто въ Германіи императоръ? Знаете?

— Знаю...

— А скажите, пожалуйста, кто въ Россіи.

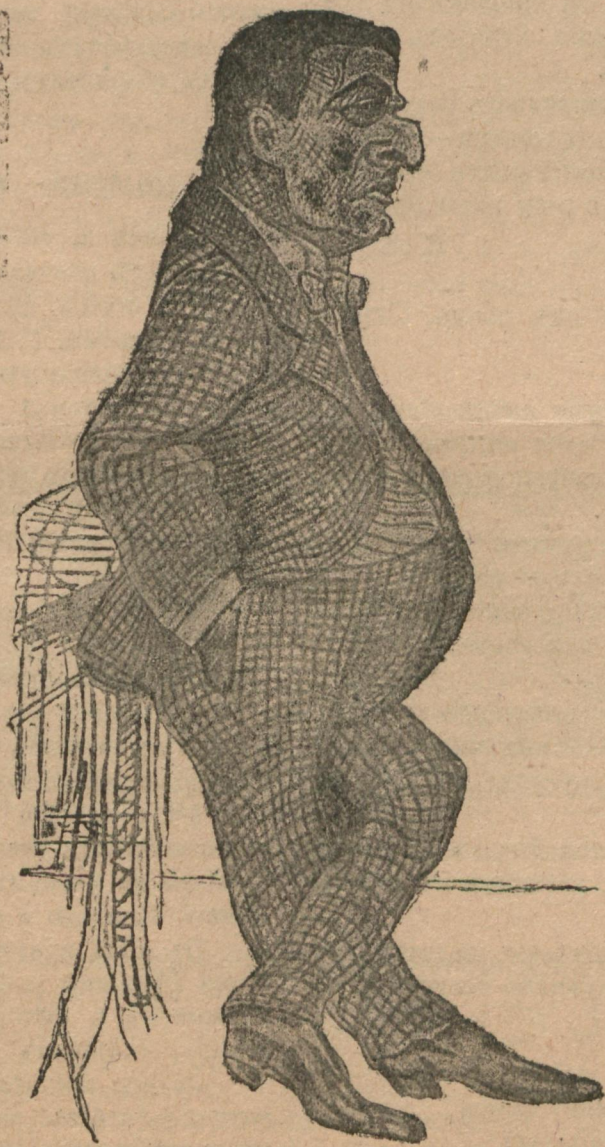
Но въ этотъ моментъ за окномъ послышался страшный шумъ. Мы всѣ вскочили со своихъ мѣстъ, и что хотѣлъ сказать министръ, такъ и осталось навсегда никому неизвѣстнымъ. Выглянувъ на улицу, мы увидели потрясающее зрѣлище. Съ пушечными выстрѣлами, съ громкими криками, съ развернутыми знаменами шли отряды латышскихъ стрѣлковъ. За ними бѣжала толпа, а газетчики, — бывшіе прокуроры и директора департаментовъ, — заливаясь пронзительнымъ тонкимъ визгомъ, шныряли съ телеграммами.

— Вечерняя „Правда“! Вечерняя „Правда“! Усмиреніе саратовскихъ мятежниковъ! Страшный разгромъ казанскихъ бунтовщиковъ! Горячій бой на московскихъ вокзалахъ, сраженіе съ военноплѣнными! Битва съ чехами въ Иркутскѣ! Варфоломеевская ночь въ Корочѣ! Сильные бои подъ Царицынымъ, отступленіе отъ Ростова! Полная побѣда на всѣхъ фронтахъ! „Правда“, „Правда“! Экстренный выпускъ, поддержите безработную интеллигенцію, купите вечерку!...

Ингридъ.

ФУТРАНЪ. Вы, конечно, не знаете, кто такой Футранъ? Стыдно!.. Одно изъ двухъ: или у васъ катарра желудка никогда не бывало, или вы не посѣщаете засѣданій Думы. Извѣстный гласный, специалистъ по внутреннимъ болѣзнямъ... Какъ войдете въ Думу, такъ сейчасъ направо, потомъ налево, потомъ опять направо, и тамъ онъ сидитъ, стройный, строгій, изящный. Будучи специалистомъ по внутреннимъ болѣзнямъ, самъ является въ своей фракціи тяжелой внутренней болѣзнью, опредѣлить которую очень трудно. Прежде всего, конечно, кадетъ. Съ деклараціями выступаетъ отъ сіонистовъ, принимая при этомъ ту самую величественную позу, въ какой онъ здѣсь изображенъ. Однако, съ сіонистами Футранъ ни въ чемъ не согласенъ. Онъ, скорѣе, Volks-Partei. Вы не знаете этой великой партіи? Говорятъ, что-то вродѣ народныхъ социалистовъ, но съ очень сильнымъ еврейскимъ акцентомъ. Просятъ не смѣшивать съ тѣми

злые, и шелкаютъ зубами, когда видятъ уцѣлѣвшаго социалиста. Однимъ словомъ, Футранъ на крайней правой занимаетъ крайнюю лѣвую позицію. Какъ видите, очень сложная композиція, но далеко не музыкальная. Футранъ такой лѣвый, что даже хотѣлъ голосовать за довѣріе продовольственной Управѣ. Но пять евреевъ изъ его фракціи были спасены добрымъ Іеговой отъ этого ужаснаго семейнаго позора. Футранъ такъ страшно переволновался, что даже забылъ, когда засѣданіе Думы. Когда вернулся, было уже поздно: Управа спаслась безъ Футрана. Кадеты ходили хмурые, желтые, нервные. Сіонисты собрались въ кучку и говорили: „У насъ бы въ Палестинѣ такую Управу турки бы на колѣ посадили, а здѣсь...“ Народные социалисты улыбались и утѣшали: „Ничего, а у насъ—староста...“ А лѣвѣйшій изъ лѣвыхъ Футранъ, съ сознаніемъ исполненнаго революціоннаго и

гражданскаго долга, ходилъ по корридору съ гордо поднятой головой и смотрѣлъ на всѣхъ сверху внизъ.

О книгахъ.

Е. НОВСКАЯ. Звѣзда-Земля. Стихи. 1918.

Не всѣ стихотворенія равноцѣнны. Слишкомъ очевидно, что поэтесса воедино собрала написанное за нѣсколько лѣтъ. На раннихъ стихахъ еще замѣтно вліяніе отцовъ символизма, въ другихъ, очевидно, позднѣйшихъ, вліяніе это переплавилось въ поэтическомъ дарѣ автора, и въ результатѣ—цѣлый рядъ стихотвореній, гдѣ общность мотивовъ съ „народными“ поэтами—Клюевымъ, Есенинымъ, нисколько не умаляетъ цѣнности написаннаго. Въ этихъ лучшихъ вещахъ поэтесса даетъ свѣжіе рѣзкіе и эпитеты, проста и строга въ выборѣ словъ. Сильно заканчивается стихотвореніе „Идите весною въ поля...“ Виденъ большой даръ въ лапидарной строфѣ—

И въ пору полуночныхъ грозъ
Онъ склонится тяжко на пажить..
...Идите—трезвонами косъ
Зовя убійнаго княжить.

Еще выдержанный стихотвореніе—„Я пришелъ отъ вѣчнаго начала“. Своеобразный ритмическій переходъ послѣ пятой строфы здѣсь вполне уместенъ.

Общее впечатлѣніе отъ книги заставляетъ безусловно ее отмѣтить; продуманная и прочувствованная—даже въ своихъ наименѣе удачныхъ, несамостоятельныхъ стихотвореніяхъ—она не можетъ не обратить на себя вниманія.

Е. Л.

АЛЕКСАНДРЪ ГАТОВЪ. Барельефы изъ воска. Стихи. 1918.

Трудно писать о поэтѣ, за первыми начинаніями котораго самъ любовно слѣдилъ, критически выправляя ранніе неопытные стихи и ожидая, съ тревогой и сомнѣніемъ, кристаллизаціи творческихъ порывовъ.

Желанное совершилось... Первая книжка стиховъ А. Гатова вошла въ русскую поэтическую современность, цѣнная сама по себѣ, обѣщая оставить ясный слѣдъ въ въ памяти любителей стиха и предвѣщая новые, еще болѣе законченные и богатые сборники.

Юное неровное дарованіе, иногда срывающееся на слабыхъ стихахъ, часто звучащее чужими мотивами, но умѣющее найти себя въ отдѣльныхъ прекрасныхъ и тонко отчеканенныхъ стихотвореніяхъ.

А. Гатову удастся больше всего живописный рисунокъ, виньетки изящно сочетаемыхъ словъ, дающихъ въ цѣломъ полновзвучный, выпуклый образъ.

Несравненно слабѣе—образное мышленіе, попытки дать въ стихахъ неглубокую философію надуманно-искусственного и незрѣлаго разочарованія въ жизни.

Какъ можетъ поэтъ говорить—

Я полюбилъ шуршащій черный крапъ
И траурнымъ кортежемъ очарованъ,

—когда въ дѣйствительности онъ очарованъ живыми образами, чувствуетъ бѣніе жизни, ея дыханіе, ея краски, и умѣетъ ихъ передать.

Горячаго загара молоко,
Разлитое лѣнливою волною.—

Въ холодной власти мраморнаго сна

Стоитъ она безжизненно-спокойно.

Подъ кистью оживаетъ полотно...

Иное по смыслу, но однородное по замыслу и такъ же удачное стихотвореніе „Предсмертіе“ ведетъ изъ мастерской художника жизни къ художнику смерти:

Ложатся на портретъ послѣдніе мазки.
Лицо мертво, какъ древняя камея,

Съ усмѣшкою кривой глядитъ съ портрета Трупъ.

Каждый разъ, когда А. Гатовъ даетъ рисунки жизни—наивной природы, фантастическаго и порочнаго города, зелени и неба,—ему они удаются. Отходя отъ жизни, онъ слабѣетъ, и стихи теряютъ выразительность, становятся надуманными.

Однако, удачно выбранныя изъ интимной записной книжки поэта стихотворенія этого сборника досадно пересѣкаются слабыми незрѣлыми строфами: А. Гатовъ плохо проредактировалъ себя. Этого надо и можно избѣгать въ новыхъ сборникахъ, которыхъ критика будетъ ждать...

В. Р.—нѣ.

„КАМЕНА“. Ежемѣсячникъ. Книга I. 1918.

Первый и, несомнѣнно, послѣдній выпускъ „Камена“ производитъ впечатлѣніе мертворожденнаго замысла.

Двѣ статьи, проф. Денисова и Г. Шенгели, совсѣмъ неудобочитаемы. Г. Шенгели, вмѣсто теоріи поэзіи, даетъ какую-то сплошную алгебру, геометрію и тригонометрію стиха, въ которой неученые люди ничего не поймутъ. Можетъ быть, статистическіе подсчеты 165 тысячъ модуляцій Боратынскаго и Пушкина кому-нибудь нужны, но для насъ, простыхъ любителей поэзіи, эта вивисекція живого стиха совершенно непонятна. Такіе трактаты надо издавать для внутренняго употребленія въ какой-нибудь академіи стихотворчества, а для массы читателей—они пустое мѣсто.

Насколько интересны изслѣдованія проф. Денисова въ области древней эллинской поэзіи, настолько же шаблонна и безсодержательна его статья объ „Искусствѣ и ритмѣ“. Еще полстолѣтія тому назадъ мысли такой статьи показались бы нѣсколько устарѣлыми, но теперь эта глава изъ гимназическаго учебника словесности могла бы спокойно остаться въ ученомъ профессорскомъ портфель и не напоминать читателю о его школьномъ дѣтствѣ.

Въ видѣ приманки, „Камена“ печатаетъ неизданные стихи Щербины и Фета. Но Щербина и при жизни не былъ интересенъ, а фетовская стилизація античной „Приапейи“ звучитъ слишкомъ неприятно-порнографически.

Группа стихотвореній въ началѣ сборника подобрана случайно и безъ особой изысканности. Постоянные гости провинціальныхъ изданій здѣсь всѣ налицо, не внося ни одной строфы новой въ свое хорошо знакомое творчество. Прекрасные стихи Максимилиана Волошина и Георгія Шенгели кажутся немного чужими въ этомъ безвкусномъ „ежемѣсячникѣ“.

Библиографія говоритъ большей частью о ненужныхъ книгахъ и написана вульгарно-размашисто, напоминая сочный стиль „Донецкаго Пролетарія“.

Р.

Письмо въ редакцію.

Въ понедѣльничной газетѣ „Нашъ день“ появились, одна за другой, двѣ замѣтки о выставкѣ „Союза Искусствъ“, принадлежащая проф. Шмиту, настолько поразившая насъ своимъ содержаніемъ, что мы просимъ не отказать напечатать въ „Колосьяхъ“ слѣдующее. Проф. Шмитъ, который считается знатокомъ искусства, оказался неожиданно пасеистомъ передъ представшей ему задачей написать отчетъ о выставкѣ. Въ этой замѣткѣ члены „Союза Семи“, единственные художники, впервые выставившіе въ Харьковѣ, главнымъ образомъ, на своей первой выставкѣ и вторично въ Союзѣ Искусствъ, нѣсколько работъ въ чистомъ кубизмѣ, возможность работать въ которомъ далась имъ путемъ долгаго и упорнаго труда, названы „провинциальными модниками, надѣвающими парижское платье, спитое по модамъ изъ Варшавы“, а работы ихъ опредѣлены, какъ „мѣщанскій футуризмъ“. Насъ удивляетъ, что такой культурный въ искусствѣ человекъ, какъ проф. Шмитъ, проглядѣлъ, не говоря уже о задачахъ композиціи, показанной въ чистотѣ помысла только въ нашихъ работахъ, ясно выраженныхъ попытки разработать фактуру. Онъ не замѣтилъ, что мы единственные работаемъ надъ цѣльностью неразбѣленнаго тона, надъ сведеніемъ цвѣтовой гаммы къ простѣйшей конструкціи. Мы первые въ этомъ тихомъ океанѣ хатокъ, садковъ, „похожихъ портретовъ“ и прочихъ, болѣе или менѣе „интеллигентскихъ“ работъ, занялись проблемой передачи формы по существу, какъ формы бытія, а не временнаго явленія.

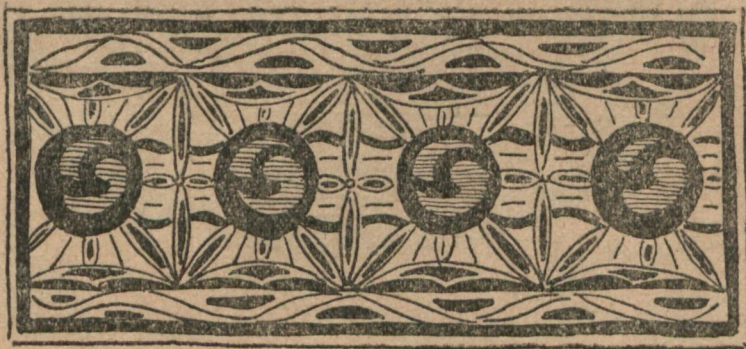
Вмѣсто того, чтобы привѣтствовать, ободрить насъ, молодыхъ, нуждающихся въ ободреніи, которыхъ тошнить отъ

трупной вони всѣхъ этихъ „ну“ и шикарныхъ портретовъ, проф. Шмитъ сумѣлъ только сказать, что всѣ это не нужно и даже смѣшно. Не нужно! — пусть такъ, но что же нужно? Неужели всѣ эти безликие, грамотные и полуграмотные мюнхенцы, портретисты и пейзажисты съ дурно положенными красками и рѣжущей гаммой, съ отсутствіемъ всякаго яснаго представленія о композиціи, Филевскіе, дѣлающіе картинки ко всякому новому политическому моменту, неужели они кажутся ему зачинателями большихъ линій и большихъ красокъ? Неужели онъ не увидѣлъ, онъ, знатокъ прошедшихъ искусствъ, что только мы работали, разрабатывали, изучали русскую икону и ея восторгъ цѣльныхъ красокъ, что только у насъ есть попытки созданія новаго декоративнаго стиля.

Мы не претендуемъ на мастерство, хотя, говоримъ прямо: надъ техникой мы работали много, давно освобожденные отъ тяжести иллюстрированія литературы и музыки; мы считаемъ, что, хотя наши работы слабы, очень слабы, но въ нихъ есть зачатки новыхъ исканій, одряхлѣвшихъ и умершихъ, быть можетъ, на Западѣ, но для насъ, хотящихъ работать, а не толочь воду въ ступѣ, являющихся новыми. Мы не боимся того, что мы опоздали съ модой, мы боимся только — успѣемъ ли переработать огромный художественный опытъ Запада и Востока въ собственные достижения.

Удивительно, что проф. Шмитъ, знатокъ стилей, нашелъ интересными работы, не имѣющія никакого намека на ихъ присутствіе. Неужели робко показанный импрессионизмъ засчитывается за стиль онъ, знающій восторгъ передъ персами, иконой, русскимъ лубкомъ, Мексикой, треченто? Мы хотимъ вѣрить, что эти, вѣроятно, случайно написанныя замѣтки не являются истиннымъ отраженіемъ мыслей его объ искусствѣ.

„Союзъ Семи“.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА

„КОЛОСЬЯ“

на иллюстрированн. литературно-художественн. еженед.

издаваемый при участіи Союза Интернаціоналистовъ Дѣят. Искусства.

Въ журналѣ „КОЛОСЬЯ“ печатаются „ВОСПОМИНАНИЯ“ Феликса КОНА, которыя выйдутъ въ свѣтъ отдѣльной книгой въ издат. „Соціалистической Мысли“. Въ отдѣлѣ „РОССІЯ ВЪ ОХРАННОМЪ ОТДѢЛЕНІИ“ помѣщаются документальныя данныя архивовъ охранныхъ отдѣленій, характеризующія въ біографіяхъ и портретахъ дѣятелей современной Россіи, а также наиболѣе интересные циркуляры, донесенія и агентурныя сообщенія.

Подписная цѣна—3 руб. въ мѣсяцъ, съ пересылкой—4 руб. Цѣна отдѣльнаго номера—75 коп.

Редакція и Контора: Харьковъ, Николаевская пл., № 23, домъ Городской Управы.

Пріемъ объявленій въ конторѣ: цѣна 3 р. за строку петита до текста и 2 р. послѣ текста.

Секретарь принимаетъ въ понедѣльникъ и среду отъ 11 до 12 час. дня.

Редакторы: Ф. Конь и В. Рожицынъ.

Издательство „Соціалистическая Мысль“.

Цѣна 1 руб. 20 коп.

ГОДЪ ИЗДАНІЯ ПЕРВЫЙ